

Прекрасная Ариб

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНОВ

Алексей Чернов

Прекрасная Ариб

«Автор»

2026

Чернов А.

Прекрасная Ариб / А. Чернов — «Автор», 2026

Багдад, IX век. Золотой век ислама, где роскошь дворцов соседствует с беспощадностью интриг. Её жизнь началась с позорного торга: маленькую сироту продали в рабство всего за пятьдесят динаров. Но судьба уготовила ей иной путь. Ариб аль-Мамунийя — реальная историческая фигура, чей талант и острый ум заставили Халифат склониться к её ногам. Это захватывающая сага о женщине, ставшей самой прославленной певицей Востока. Среди шелков гаремов, коварства визирей и пламени дворцовых переворотов она ведет свою игру. Её оружие — голос, её цель — свобода и спасение потерянного сына. «Прекрасная Ариб» — это драма о силе духа, которая не ломается под гнетом золотых цепей. Когда рушатся стены гордой Самарры и имена халифов превращаются в пыль, песня Ариб продолжает звучать над водами Тигра. Узнайте историю той, чья душа никогда не была рабом.

© Чернов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я была дочерью визиря	5
Глава 2. Тень, что длиннее жизни	9
Глава 3. Цена жемчужины	13
Глава 4. Бремя принца	18
Глава 5. Школа слёз	22
Глава 6. Осаждённый город	28
Глава 7. Пепел и Струны	33
Глава 8. Вход победителя	39
Глава 9. Первая ночь в золотых покоях	44
Глава 10. Гнездо сплетённых гадюк	48
Глава 11. Отравленная струна	52
Глава 12. Тень на троне	57
Глава 13. Идеальная жена	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алексей Чернов

Прекрасная Ариб

Глава 1. Я была дочерью визиря

Багдад той ночью не просто спал – он задыхался в золотой клетке духоты. Воздух стоял густой, сладкий, тягучий, словно растопленный мёд, в котором безнадежно увязли звёзды.

Пахло одурманивающим жасмином, пряным шафраном и едва уловимой, тревожной сыростью от Тигра. Великая река равнодушно несла свои тёмные воды мимо дворцов, чьи купола пытались переспорить своим сиянием полную луну.

Но был в Багдаде дом, где ночь отступила перед тысячами огней. Дворец Джафара ибн Яхьи из рода Бармакидов – великого визиря, тени Халифа, человека, чьё имя открывало любые двери от знойной Индии до песков Магриба.

Здесь, в мраморных чертогах, горели светильники, отбрасывая на стены причудливые, пляшущие тени. Казалось, сам дом дышал – тяжело, прерывисто, предчувствуя беду, которую его обитатели, опьянённые вином и музыкой, пока не замечали.

На широком подоконнике, скрытая резной решёткой машрабии, сидела маленькая фигурка. Марьям. Ей едва исполнилось шесть, но в её тёмных, глубоких глазах, окаймлённых густыми ресницами, уже жила мудрость, несвойственная детям.

Ей полагалось видеть сны в мягкой постели, под присмотром грузной кормилицы, чей храп сотрясал шёлковые занавеси. Но разве можно спать, когда внизу, в главном дворе, творится волшебство?

Девочка прижалась лбом к прохладному дереву решётки.

– Смотри, Аиша, – прошептала она своей кукле, сшитой из лоскутков драгоценной парчи. – Слышишь, как поёт уд? Они думают, что эта ночь будет длиться вечно.

Внизу, на коврах, стоявших дороже, чем жизнь целой деревни, восседал её отец. Джафар Бармакид. «Золотой Визирь». Даже отсюда, с высоты женской половины, Марьям видела, как играют блики на драгоценных камнях его тюбана.

Он улыбался, поднимая чеканную чашу, но чуткое сердце дочери сжалось от непонятного холода. Плечи отца были опущены, словно невидимый груз давил на них сильнее, чем расшитый золотом парадный халат.

– О, светоч наших очей, Джафар! – разнёсся над двором хмельной, льстивый голос одного из придворных поэтов. – Твоя щедрость подобна весеннему ливню, что напоит любую пустыню! Говорят, даже Повелитель правоверных завидует стати твоего скакуна!

Гости разразились хохотом. Слуги, скользящие между столами бесшумными тенями, подливали в кубки густое, тёмное вино. Оно лилось рекой – красное, как гранатовый сок... или как то, чему суждено пролиться до рассвета.

Внезапно тяжёлая дубовая дверь за спиной Марьям скрипнула. Девочка вздрогнула и юркнула за плотную бархатную портьеру.

В комнату влетела, словно раненая птица, её мать – Фатима. Она была красива той особой, трагической красотой, которая свойственна розам перед самой бурей. Женщина не шла – она металась.

– Где он? Почему Джафар не поднимается ко мне? – её шёпот срывался на крик. Она ломала тонкие пальцы, унизанные кольцами.

– Сердце моё не на месте... Я видела сон, няня. Страшный сон. Чёрный сокол клевал глаза золотому павлину.

Следом, шаркая, вошла старая служанка с подносом шербета. Руки старухи дрожали, и хрустальный графин жалобно звякал.

– Успокойтесь, госпожа, – прощамкала она. – Халиф любит вашего мужа. Они же ближе, чем братья. Разве брат поднимет руку на брата?

Фатима резко остановилась у зеркала, глядя в своё бледное отражение.

– У Халифов не бывает братьев, – глухо, с горечью ответила она.

– У них есть только рабы и враги. А Джафар... он стал слишком велик. Тень от него падает на трон Харуна ар-Рашида. А Повелитель не терпит чужих теней.

Марйам, затаив дыхание, сжимала в кулачке медальон, который отец надел ей на шею этим утром. Золотой диск был тёплым от её ладони. «Это твой оберег, моя маленькая газель, – сказал отец, гладя её по чёрным кудрям. – Пока он на тебе, ты помнишь, кто ты. Ты – дочь Бармакидов. Мы те, кто держит небо над Багдадом».

Но сейчас небо над Багдадом казалось свинцовым, готовым рухнуть и раздавить их всех.

Внизу музыка оборвалась. Это произошло не так, как заканчивается песня. Это было похоже на то, как лопается струна – с жалобным визгом и болью. Наступила тишина. Звнящая, мёртвая тишина.

Марйам снова прильнула к решётке. То, что она увидела, заставило её кровь застыть. Ворота дворца были распахнуты настежь. Во двор втекала чёрная река. Всадники.

Их кони были вороны, доспехи не блестели, словно были сотканы из самой тьмы. Они не кричали, не размахивали мечами. Они просто заполняли собой пространство, вытесняя свет, смех и жизнь.

Во главе отряда возвышался гигант на могучем коне. Человек, чьё имя шёпотом производили даже самые отчаянные головорезы в тавернах. **Масрур**. Главный палач. Тень Халифа.

Его лицо, гладкое и лишённое эмоций, казалось маской, высеченной из гранита. В нём не было ни злобы, ни жалости – только страшная, неотвратимая исполнительность.

– Джафар ибн Яхья! Голос Масрура был негромким, но в гробовой тишине он ударил, словно гонг, возвещающий конец света.

– Повелитель правоверных шлёт тебе своё приветствие. И требует твою голову.

Джафар медленно поднялся. Он не выронил чашу, не закричал. С истинным величием он лишь поправил складки халата.

– Так скоро? – спросил Визирь, и в голосе его прозвучала невыразимая горечь. – Я думал, у меня есть время до утреннего намаза.

– Время вышло, – равнодушно бросил Масрур. – Имущество твоего рода конфисковано. Твой отец и братья уже в цепях. Твой дом больше не твой дом.

Гости, ещё минуту назад клявшиеся в вечной любви, начали пятиться, вжимаясь в стены, стараясь слиться с тенями, исчезнуть. Страх превратил львов в шакалов. Никто не встал рядом с «Золотым Визирем».

В комнате наверху Фатима издала звук, похожий на стон раненого зверя, и осела на ковёр.

– Нет... – выдохнула она, теряя сознание. – Нет! Марйам! Спасите Марйам!

Девочка хотела броситься к матери, но древний инстинкт заставил её замереть. Она увидела, как в комнату ворвались стражники.

– Взять всех! – лязгнул голос стражника. – Женщин, детей, слуг. Приказ Масрура: род Бармакидов должен быть выкорчеван, как сорняк!

Марйам зажала рот обеими руками, чтобы не закричать. Горячие слёзы катились по щекам, но она не издала ни звука. Она поползла глубже, под тяжёлые складки бархата, туда, где пахло пылью и старым лавандовым саше. Она стала маленькой, незаметной, почти несуществующей.

Внизу, во дворе, разыгрался последний акт трагедии. Джафар сделал шаг к палачу.

– Позволь мне написать прощальное письмо Халифу, – попросил он с достоинством. – В память о нашей дружбе.

– У тебя нет друзей, – отрезал Масрур, и сталь блеснула в свете факелов. – И у тебя нет прав. На колени.

Марйам зажмурилась. Она не видела удара. Но она услышала его. Глухой, страшный звук, после которого мир раскололся надвое. А потом – хаос.

Солдаты рассыпались по дому, как саранча. Треск разрываемой ткани, звон разбиваемой посуды, женские крики – всё слилось в единую симфонию ужаса. Они срывали гобелены, вытряхивали сундуки с приданым, топтали ногами то, что ещё вчера было бесценным.

Дверь в её укрытие распахнулась от удара сапогом. Вошли двое мародёров. От них разлило дешёвым вином и чужой бедой.

– Гляди-ка, Ахмед, – ухмыльнулся один, поднимая с пола золотой гребень, выпавший из волос матери. – Неплохой улов. Моей жене понравится.

– Ищи девчонку, – буркнул второй, шаря глазами по углам. – Велено найти всех детей. Говорят, у визиря дочь была. Красивая, как кукла. За такую на невольничьем рынке дадут хорошую цену.

Сердце Марйам билось так громко, что казалось, этот стук слышит весь Багдад. «Рынок... Цена...» Слова падали в её сознание тяжёлыми камнями. Она больше не дочь визиря. Она – вещь. Товар.

Солдат дёрнул портьеру. Яркий свет факела ударил ей в глаза.

– Вот она! – гаркнул он, хватая её за тонкое запястье. Его пальцы были жёсткими, грубыми. – Иди сюда, маленькая госпожа!

Она не сопротивлялась. Силы были слишком неравны. Но она подняла подбородок и посмотрела на него так, как смотрел её отец на просителей. Во взгляде шестилетней девочки было столько ледяного достоинства, что солдат на миг опешил.

– Ишь ты, глядит как царица, – хмыкнул он, но хватку не ослабил.

Её потащили по коридорам дома, который ещё утром был её крепостью, а теперь стал склепом. Мимо разбитых ваз, мимо перевёрнутых столов. Во дворе она увидела тёмное пятно на ковре там, где стоял отец. Самого отца уже не было.

Её подвели к Масруру. Великий Евнух сидел на коне, возвышаясь над пепелищем чужой жизни.

– Дочь Джафара? – спросил он, глядя сквозь неё.

– Да, господин.

– Сними с неё всё ценное, – бросил Масрур, разворачивая коня. – И в повозку к остальным. Завтра её продадут. Имя забудьте. Нет больше рода Бармакидов. Есть только пыль под копытами коня Халифа.

Солдат потянулся к её шее. Тонкая золотая цепочка натянулась.

– Не трогай! – впервые за ночь закричала Марйам, вцепившись в медальон обеими руками. – Это моё! Это папа дал!

– Нет у тебя папы, – рявкнул морадер и резко дёрнул рукой.

Золото впилось в кожу, оцарапав нежную шею, и с тонким звоном порвалось. Медальон остался в грязной ладони чужака. Марйам почувствовала, как вместе с этим кусочком металла от неё оторвали душу.

Её грубо толкнули в повозку, где уже жались друг к другу плачущие женщины и дети слуг. Телега скрипнула и тронулась.

Марйам сидела у самого края, глядя на удаляющийся дом. Огни в окнах гасли один за другим, словно чья-то невидимая рука закрывала глаза мертвецу. Она не плакала. Слёзы высохли, оставив на щеках солёные дорожки. Внутри неё, там, где раньше жили детский смех и сказки, образовалась пустота. Огромная, гулкая, чёрная пустота.

Она провела ладонью по шее, где саднил след от цепочки. «Я запомню», – подумала она, и мысли её стали чёткими и острыми, как клинок. – «Я запомню каждое лицо. Я запомню этот запах гари. Вы забрали моё имя. Вы забрали моего отца. Вы забрали мой дом. Но мой голос... Голос вы забрать не сможете».

Она начала тихо, едва слышно мычать мелодию. Это была не песня. Это был стон, облёчённый в ритм. Мелодия без слов, песнь раненого зверя, который обещает выжить назло всему миру.

– Замолчи, дитя, – испуганно прошептала женщина рядом. – Не гневи Аллаха.

Но Марйам не замолчала. Она смотрела на равнодушное чёрное небо Багдада и давала себе клятву. «Я вернусь. Не как дочь визиря, которую можно унижить. А как та, перед кем склонятся даже цари. Я стану музыкой. А музыку нельзя обезглавить. Музыку нельзя заковать в цепи».

Повозка скрылась в лабиринте узких улочек, увозя пленниц в неизвестность. Ночь поглотила маленькую дочь Джафара, чтобы через годы вернуть миру великую Ариб – женщину, которая будет править сердцами мужчин одной лишь песней.

Но это будет потом. А пока... пока колеса телеги стучали по камням мостовой, отсчитывая первые мгновения её новой жизни. Жизни рабыни.

Глава 2. Тень, что длиннее жизни

Ночь над Багдадом сгустилась, став плотной и душной, словно небосвод, узнав о страшном деянии в доме визиря, в трауре накинул на звёзды чёрное покрывало. Город спал, не ведая, что его золотой век только что дал трещину.

По пустым улицам, разрезая тьму, двигался всадник.

Масрур аль-Кабир. Великий Евнух. Тень Халифа.

Копыта его вороного жеребца были обмотаны толстым слоем войлока. Стук о мостовую выходил глухим, болезненным, напоминающим неровное биение угасающего сердца: тук... тук... тук...

Позади, соблюдая почтительную дистанцию, безмолвными призраками скользили «чёрные мамлюки» – личная гвардия, преданная лишь своему командиру. Они не задавали вопросов. Они были продолжением его воли.

Сам же Масрур ехал с прямой спиной, глядя невидящим взором вперёд, туда, где чернели громады дворцовых стен. В груди у него было пусто. Говорят, палачи черствеют душой, но Масрур давно перестал считать себя человеком в том смысле, который воспевают поэты.

Он был инструментом.

Изысканным клинком из дамаской стали. А разве клинок спрашивает, чью плоть он рассекает? Разве сталь плачет?

Однако сегодня... сегодня этот меч ощущал невыносимую, свинцовую тяжесть.

Масрур опустил взгляд на свои широкие ладони, сжимающие кожаные поводья. В лунном свете кожа отливала бронзой. Она была чиста. Он совершил омовение розовой водой ещё во дворе Джафара, сразу после того, как свершилось непоправимое.

Но палачу казалось, что подушечки пальцев всё ещё липкие. Ему чудился запах железа и горячей жизни.

Это была память о Бармакидах.

О людях, с которыми он десятилетиями преломлял хлеб, слушал чарующие мелодии уда и смеялся над тонкими шутками. А теперь...

– Господин, – тихий голос одного из стражников нарушил гнетущую тишину. Всадник поравнялся с ним, но не смел поднять глаз. – Мы везём груз в подвалы? Или сразу в покои?

Масрур не повернул головы. Кадык на его мощной шее дёрнулся. Он прекрасно знал, о каком «грузе» идёт речь. Кожаный мешок, притороченный к седлу одного из мамлюков, казался тяжелее горы.

В нём покоилось то, что осталось от величия, гениального ума и легендарной щедрости Джафара.

– Прямо к Повелителю, – голос Великого Евнуха прозвучал сухо, словно скрежет камня о камень. – Он не сомкнёт глаз, пока не увидит подтверждения.

Кавалькада въехала в Золотые Ворота дворцового комплекса.

Стражники, едва завидев высокую фигуру в развевающемся чёрном плаще, мгновенно вжались в стены, стараясь слиться с камнем. В их расширенных зрачках читался животный, первобытный ужас.

И это было правильно.

Страх – единственный клей, способный удержать империю от распада, когда любовь и верность уже мертвы.

Дворец Халифа Харуна ар-Рашида, обычно наполненный звонким смехом наложниц, спорами мудрецов и переливами музыки, сегодня напоминал гробницу древнего фараона. Тишина здесь стояла такая, что каждый шаг Масрура по бесконечным коридорам отдавался гулким эхом, похожим на удары молота.

Ни души. Ни звука. Только холодный мрамор и пляшущие тени от факелов.

Он шёл к Личным Покоям Неспящего.

У резных дверей, инкрустированных перламутром, застыли два исполинских нубийца с алебардами. Они расступились перед Масруром ещё до того, как он приблизился. Даже если бы он пришёл с обнажённым кинжалом, они не посмели бы преградить ему путь.

Двери бесшумно распахнулись.

Халиф не спал.

Харун ар-Рашид, Повелитель правоверных, владыка земель от Инда до Атлантики, сидел прямо на холодном полу, игнорируя расшитые золотом подушки и диваны. В комнате царил могильный холод, несмотря на летний зной снаружи.

Перед правителем стояла шахматная доска из слоновой кости и эбенового дерева.

Халиф был одет не в парадные шелка, а в простой белый халат, делавший его похожим на призрака или безумного отшельника.

Масрур вошёл, и тяжёлая дверь за его спиной закрылась, отрезав мир живых от мира скорби. Он опустился на колени, коснувшись лбом ледяных плит.

– Повелитель...

Харун не обернулся. Его рука, униженная тяжёлыми перстнями, зависла над шахматной фигурой. Пальцы, обычно твёрдо держащие скипетр, мелко дрожали.

– Ты сделал это, Масрур? – вопрос прозвучал так тихо, что его можно было принять за шелест ветра в сухих листьях.

В этом голосе больше не было властности. Только бездонная, черная тоска.

– Твоя воля исполнена, о Амир аль-муминин, – произнёс палач, не поднимая головы. – Род Бармакидов низвергнут. Имущество описано. Слуги взяты под стражу. Джафар...

Масрур сделал паузу. Слова застревали в горле, словно осколки стекла.

– Джафар больше никогда не отбросит тень на твой трон.

Халиф медленно, словно сломанная кукла, повернул голову. За одну эту ночь его лицо осунулось на десять лет. Глаза воспалились, под ними залегли глубокие тёмные круги, а губы были искусаны в кровь.

– Где он? – хрипло спросил Харун.

– Здесь, Повелитель. Со мной.

– Покажи.

Масрур поднялся. Движения его были чёткими, механическими. Он вышел в коридор и вернулся с тем самым кожаным мешком. Бережно, с почти религиозным трепетом, он положил его на серебряный поднос у ног Халифа и потянул за шнурок.

В неверном свете свечей лицо Джафара казалось спокойным, почти безмятежным. Смерть стёрла с него тревогу последних месяцев, оставив лишь ту лёгкую, ироничную полуулыбку, с которой визирь обычно встречал друзей за чашей вина.

Харун ар-Рашид смотрел.

Смотрел на своего лучшего друга. На молочного брата. На человека, которого любил больше, чем своих жён, сыновей и саму власть.

Минута тянулась, как час. Тишина в комнате звенела натянутой струной, готовой вот-вот лопнуть.

И вдруг Халиф закричал.

Это был не крик гнева. Это был вой. Жуткий, нечеловеческий вой раненого зверя, попавшего в капкан и осознавшего, что выхода нет.

Харун упал на колени перед подносом, обхватив голову руками, и начал раскачиваться из стороны в сторону.

– Джафар! О, мой брат! – рыдал повелитель полумира, и слёзы текли по его бороде. – Кто сотворил это с тобой?! Кто посмел отнять у меня мою душу?! Кто вырвал моё сердце?!

Масрур стоял неподвижно, как изваяние из чёрного базальта. Он знал эти приступы. Он понимал, что Халиф, лично отдавший приказ о казни, теперь будет оплакивать друга искренне и безутешно.

Такова извращённая природа абсолютной власти: убивать то, что любишь, чтобы сохранить то, чем владеешь.

– Это ты!

Харун резко поднял голову. Его глаза, полные слёз, сверкнули безумием. Он ткнул дрожащим пальцем в сторону своего верного слуги.

– Ты убил его! Ты, проклятый мясник! Как у тебя поднялась рука?! Как ты посмел коснуться его?!

– Я лишь меч в твоей деснице, Повелитель, – спокойно, без тени страха ответил Масрур.

Он не боялся смерти. Смерть была его ремеслом, его давней знакомой. Он знал: сегодня Халиф не убьёт его. Ему нужен свидетель его горя. Нужен кто-то, на кого можно выплеснуть яд собственной вины.

– Уходи! – взвизгнул Харун, схватив с доски шахматную фигуру и швырнув её в палача.

Белый ферзь ударился о нагрудник Масрура и покатился по мрамору с сухим, костяным стуком.

– Вон отсюда! Убери это! Унеси его! Выставь голову на мосту, как я приказал... Пусть все видят... Пусть все трепещут...

Халиф рухнул лицом в подушки, его плечи содрогались от рыданий, переходящих в хрип.

Масрур молча поклонился, аккуратно завязал мешок, скрывая лицо бывшего визиря, и вышел прочь.

В коридоре он прислонился спиной к прохладной стене и закрыл глаза. Сердце всё ещё стучало ровно, но в животе образовался ледяной комок, который не мог растопить никакой жар Багдада.

К нему бесшумно подошёл помощник, молодой евнух по имени **Ясир**, прижимавший к груди свитки с описью.

– Господин, – Ясир говорил едва слышным шёпотом, боясь нарушить траурную атмосферу. – Мы закончили во дворце Джафара. Золото, самоцветы, скакуны... Всё учтено и опечатано. Женщины отправлены на невольничий рынок. Дети...

– Что дети? – резко спросил Масрур, распахивая глаза. В них мелькнул опасный огонёк.

Перед его внутренним взором внезапно, ярко и чётко, всплыло лицо той девчонки. Дочери Джафара.

Она не билась в истерике, не выла и не молила о пощаде, хватаясь за полы его плаща, как остальные наложницы и родственницы. Нет. Она стояла посреди хаоса, вцепившись маленькой ручкой в какой-то дешёвый медальон, и смотрела на него.

В её тёмных глазах не было детского страха. В них читалось ледяное, совсем взрослое обещание.

«У неё взгляд отца, – подумал тогда Масрур. – И гордость матери. Опасная смесь. Горючая».

– Детей тоже отправили с рабами, – поспешно отрапортовал Ясир, испугавшись взгляда начальника. – Мальчиков в школу евнухов или на продажу в дальние провинции, девочек в гаремы или на утеху черни. Род прерван, господин. Никто из них больше не поднимет головы.

– Ты уверен? – Масрур сделал шаг ближе, всмотревшись в темноту коридора. – Змеёныш может вырасти в дракона, если оставить его в живых.

– Они всего лишь дети, господин. Лишённые имени, дома, выброшенные в грязь. Что они могут сделать против мощи Халифата? Через год они забудут, кем были, и будут целовать ноги новым хозяевам за корку чёрствого хлеба.

Масрур медленно кивнул, но тревога, поселившаяся в душе, не уходила. Он был человеком, который выживал при дворе тридцать лет благодаря звериному чутью.

И сейчас этот инстинкт, тот самый, что заставлял шерсть на загривке вставать дыбом за секунду до удара в спину, настойчиво шептал: ошибка.

Надо было решить это там. Надо было оборвать нить жизни той девчонки с глазами-омутами прямо в разграбленном зале.

– Проследи, куда продадут дочь Джафара, – внезапно приказал он, отталкиваясь от стены. Ясир удивлённо моргнул, переминаясь с ноги на ногу.

– Дочь? Но их там были десятки, господин... Какую именно? Вы знаете её имя?

Масрур встревожился. Он не спросил её имени. Для него в тот момент они были лишь безымянной массой обречённых.

– Ту, что посмела смотреть мне в глаза, – медленно, чеканя каждое слово, произнёс Великий Евнух. – Ту, у которой на тонкой шее остался красный след от моей хватки. Найди её. Не возвращай, не трогай пока... Просто знай, где она. Я хочу знать, в чью землю упадёт это семя.

– Слушаюсь, господин.

Масрур развернулся и пошёл прочь по длинной галерее, в конце которой уже брезжил серый, безрадостный рассвет. Новый день вставал над Багдадом.

День без Бармакидов.

Масрур шёл, и факелы на стенах колебались от его стремительного движения, отбрасывая на пол причудливые, ломаные тени.

Но у самого Масрура тени не было.

Люди шептались по углам, что он продал её шайтану в обмен на то, чтобы никогда не чувствовать мук совести. Чтобы спать спокойно, когда руки по локоть в чужой беде.

Он вышел на широкую террасу, нависающую над водами Тигра. Внизу, на главном мосту, его люди уже деловито устанавливали высокие шесты.

Скоро первые лучи осветят голову того, кто ещё вчера правил половиной мира.

– Всё проходит, – прошептал Масрур в пустоту, глядя на мутные воды реки. – И величие, и дружба, и клятвы в вечной верности. Остаётся только страх.

Но где-то на периферии сознания, назойливой занозой, застряла картина: маленькая фигурка в повозке работорговца, неестественно прямая спина и взгляд. Взгляд, обещающий не смерть, а возвращение.

«Музыку нельзя обезглавить», – почудилось ему в шуме речной воды.

Масрур тряхнул головой, прогоняя наваждение. Это просто усталость бессонной ночи.

Это просто девчонка. Рабыня. Пыль под ногами истории.

Он не знал, что эта «пыль» однажды заставит его, негибачего и жестокого Масрура, испытать чувство, которое он считал невозможным для себя.

Уважение.

А пока телеги скрипели немазаными колёсами, увозя живой товар на невольничий рынок, и великий Багдад просыпался, ещё не зная, что, уничтожив Бармакидов, Халиф собственноручно занёс кинжал над будущим своей династии.

История маленькой Ариб только начиналась. И начиналась она не с песни, а с клятвы мести, прошептанной пересохшими детскими губами.

Глава 3. Цена жемчужины

Солнце над Багдадом взошло не как светило, дарующее жизнь, а как раскалённый медный щит палача. В то утро оно не ведало милосердия.

Небесному огню было всё равно, чьи дворцы освещать – ныне здравствующих владык или поверженных, мёртвых визирей. Его безжалостные лучи одинаково падали на сияющие золотом купола мечетей и на грязные, истоптанные тысячами ног камни Сук-аль-Ракик, Великого рынка рабов.

Для маленькой Марйам необъятный мир сузился до размеров этой пыльной площади, стиснутой высокими глинобитными стенами.

Здесь не пахло жасмином и розовой водой, как в прохладных садах её раннего детства. Воздух здесь был густым и липким, пропитанным едким запахом страха. Он был кислым, словно скисшее молоко в забытом кувшине, и горьким, как старый, ввевшийся в одежду пот.

К этому смраду примешивались ароматы верблюжьего навоза и дешёвых благовоний – ими торговцы тщетно пытались заглушить дух немых тел. А рядом, словно в насмешку, ветер доносил запах пряной жареной баранины из соседних лавок. Кошунственный аромат сытной еды там, где продавали людские души.

Марйам сидела, поджав ноги, в тени хлипкого навеса, сплетённого из сухих пальмовых листьев.

Её дорогое шёлковое платье, ещё вчера достойное принцессы, превратилось в жалкую тряпку, покрытую дорожной пылью и пятнами копоты. Ткань порвал грубый стражник, когда тащил её из отцовского дома. Но даже сквозь грязь проступала тончайшая вышивка, затейливые золотые нити теперь казались жестокой насмешкой судьбы.

Вокруг неё жались другие.

Женщины, потерявшие мужей в одну страшную ночь. Юные служанки, чьи прекрасные глаза опухли от бесконечных слёз. Мальчики, испуганно озирающиеся по сторонам, словно затравленные зверьки.

Все они – «наследство Бармакидов». Осколки разбитого величия некогда могущественного рода.

Марйам не плакала. Слёз больше не осталось. Источник высох.

Внутри неё, там, где раньше трепетно билось детское сердце, теперь лежал холодный, тяжёлый булыжник. Девочка машинально касалась тонкой шеи, где саднила царапина от сорванного мародёром медальона. Это была её единственная ниточка, связывающая с прошлым. Жгучая боль напоминала:

«Ты жива. Ты помнишь. Ты дочь Джафара».

К их навесу подошёл торговец живым товаром – грузный сириец с бельмом на левом глазу. Его редкая борода лоснилась от жира, в ней застряли крошки утренней лепёшки. Звали его Абу-Сахр, «Отец Камня», и это прозвище подходило его душе как нельзя лучше.

Он прохаживался между рядами пленников, бесцеремонно тыкая их бамбуковой тростью, словно выбирал дыни на базаре.

– Встать! – рявкнул торговец, больно ударив тростью по ноге рыдающую женщину. – Вытри мокроту, глупая! Никто не купит корову, которая только и делает, что мычит. Улыбайся! Покажи покупателям, что у тебя ещё есть зубы!

Несчастные женщины покорно поднимались, вытирая лица грязными подолами. Марйам встала последней.

Она не ссутулилась и не опустила головы – неожиданно для всех, держала спину прямо, словно стояла на приёме у халифа. Её хрупкая фигурка натянулась, как струна уда.

Взгляд маленькой пленницы был устремлён не на мерзкого торговца, а сквозь него туда, где над глиняными стенами рынка в мареве жары дрожали верхушки минаретов.

Абу-Сахр остановился перед ней. Прищурил здоровый глаз, оценивая лот.

– А, дочь визиря... – протянул он с кривой ухмылкой, обнажив гнилые пеньки зубов. – Масрур говорил, ты с характером. Ну-ну. Характер – это хорошо, пока он не мешает работе и покорности.

Он протянул липкую руку и грубо схватил её за подбородок, поворачивая личико к безжалостному солнцу. Его пальцы пахли луком и старыми, захватанными монетами.

– Кожа белая, нежная, – бормотал он себе под нос, словно мясник, оценивающий тушу. – Кости тонкие. Слишком тощая, одни глаза остались. Но порода видна...

Марйам не отстранилась. Она даже не моргнула.

Девочка позволила ему осматривать себя как вещь, но её дух в этот момент был далеко. В своём воображении она стала мраморной статуей в саду отца. Мрамор не чувствует прикосновений грязных рук. Мрамор холоден, твёрд и вечен.

– Открой рот, – приказал торговец.

Она плотно сжала губы.

– Открой рот, я сказал! – он сжал её челюсть сильнее, почти до хруста.

Марйам, преодолевая боль, разжала зубы.

– Хорошо, – хмыкнул Абу-Сахр, заглядывая внутрь. – Зубы ровные, здоровые, как жемчужины. Голос, говорят, у тебя есть? Спой что-нибудь.

Марйам молчала.

– Пой! – Тростниковая палка со свистом рассекла горячий воздух и ожгла её плечо.

Удар был не сильным, но обидным, как звонкая пощёчина. Однако дочь Джафара даже не вздрогнула. Она медленно подняла глаза и посмотрела торговцу прямо в зрачки.

В этом детском взгляде было столько ледяного, взрослого презрения, что Абу-Сахр, повидавший на своём веку тысячи рабов и сотни сломанных судеб, на миг растерялся. Он ожидал крика, мольбы, детского плача. Но молчание этой шестилетней девочки пугало больше, чем проклятия старой колдуньи.

– Ладно, – сплюнул он на сухую землю, скрывая замешательство. – Не хочешь петь, будешь молчать. Немая кукла тоже чего-то стоит. На кухне горло драть не нужно, там нужны руки.

Начался торг.

Шум рынка нарастал, превращаясь в гул океана перед страшным штормом. Крики зазывал, звон динаров и дирхамов, ржание коней, яростные споры покупателей – всё слилось в единую, оглушающую симфонию человеческой алчности.

Людей выводили на деревянный помост по одному. Срывали с них накидки, показывая товар лицом, поворачивали во все стороны. Толпа внизу обсуждала мышцы мужчин, бёдра женщин, выносливость детей, словно речь шла о скоте.

Марйам видела, как продали её старую няню, которая ещё вчера пела ей колыбельные и укрывала от ночной прохлады. Её купил за гроши сутулый кожевник, ему нужна была дешёвая сила для вымачивания шкур в едком растворе. Няня уходила, сгорбившись, не смея поднять глаз на свою маленькую госпожу, чтобы не выдать её своим горем.

Настала очередь Марйам.

Абу-Сахр вытолкнул её на помост. Солнце ударило в глаза, ослепив на мгновение. Толпа внизу казалась морем разноцветных тюрбанов и халатов. Сотни хищных глаз устремились на одинокую фигуру.

В этих глазах не было сочувствия. Только расчёт.

– Лот особый! – заорал зазывала, чей голос был скрипучим, как несмазанная телега. – Цветок из райского сада, который вчера срубили! Нежная, как персик! Крови самой благородной, хоть и опальной! Кто даст стартовую цену?

– Десять динаров! – крикнул кто-то из задних рядов.

– Она тощая, как щепка! – захохотал другой. – В ней и мяса-то нет, помрёт через неделю! Пять динаров!

– Двенадцать! Я возьму её для своей жены, пусть веером машет!

Марйам стояла неподвижно. Ей казалось, что с неё живьём сорвали кожу. Каждый липкий взгляд касался её тела, пачкал душу. Ей хотелось закрыться руками, сжаться в комок, убежать, исчезнуть. Но она помнила свою клятву.

«Я дочь Джафара из рода Бармакидов. Я не доставлю им удовольствия видеть мой страх».

Она нашла точку поверх голов толпы, золотой полумесяц на шпиле далёкой мечети, и смотрела только на него. Пусть они торгуются за её тело. Её душа сейчас парила там, высоко, вместе с вольными птицами.

В первом ряду стоял толстый купец в дорогом парчовом халате, который едва сходил на его необъятном животе. Он пожирал девочку масляными глазками, облизывая пухлые, влажные губы.

– Пятнадцать динаров! – крикнул он, звеня тугим кошельком. – Выращу из неё наложницу. Лет через пять она окупится сторицей. Будет улаживать мой взор!

Марйам почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Быть игрушкой этого человека? Терпеть его прикосновения? Лучше смерть. Лучше броситься с городской стены вниз головой.

– Двадцать динаров, – раздался спокойный, тихий голос.

Он перекрыл базарный гам не силой звука, а невероятной властью тона. Так говорят те, кого привыкли слушать беспрекословно.

Толпа инстинктивно расступилась.

К помосту подошёл высокий мужчина. Он был одет скромно, но опытный глаз сразу заметил бы, что ткань его плаща – из самой дорогой шерсти, а на пальце, державшем посох из чёрного дерева, блестел перстень с печаткой управляющего.

Его лицо было умным, усталым и внимательным. Тёмные глаза смотрели не на тело девочки, а прямо ей в душу.

Это был аль-Амин ибн Мухаммад, доверенный слуга из дворца наместника. Человек, который искал на этом грязном рынке не рабочую скотину, а жемчужины для ожерелья Халифата.

– Двадцать пять! – взвизгнул толстый купец, недовольный появлением соперника. Его лицо пошло красными пятнами. – Я видел её первым!

– Тридцать, – равнодушно произнёс незнакомец, даже не взглянув на толстяка.

– Тридцать пять! Ты разоришься, старик! – брызгал слюной купец. – За эти деньги можно купить двух крепких нубийцев! Ты безумен!

– Пятьдесят динаров, – сказал мужчина с посохом, и в голосе его прозвучала точка.

Толпа ахнула. По рядам пробежал шёпот. Пятьдесят золотых динаров за маленькую девочку? Это было целое состояние. За эти деньги можно было купить хороший дом на окраине Багдада или табун чистокровных лошадей.

Толстый купец поперхнулся своей алчностью, сплюнул под ноги и махнул рукой.

– Забирай! Безумец. Она того не стоит. Сдохнет к вечеру от тоски.

Абу-Сахр, не веря своему счастью, засуетился, низко кланяясь щедрому покупателю.

– Продано! Продано почтенному господину! Великая сделка! Аллах свидетель, вы не пожалеете!

Мужчина поднялся на помост. Он подошёл к Марйам и, к изумлению толпы, встал перед ней на одно колено, чтобы их глаза оказались на одной высоте.

Впервые за этот бесконечный, кошмарный день на неё смотрели не как на товар, не как на кусок мяса, а как на человека.

– Как тебя зовут, дитя? – спросил он тихо.

Марйам молчала. Имя «Марйам» принадлежало избалованной дочери всесильного визирия. Дочь визирия умерла вчера ночью, когда солдаты ворвались в их дом. А у этой рабыни на помосте имени не было.

– Молчишь? – он не рассердился, а лишь еле уловимо улыбнулся уголками глаз, вокруг которых залегли морщинки мудрости. – Это хорошо. Молчание – золото, которого так мало на этом крикливом базаре.

Он протянул руку, но не схватил её, а раскрыл ладонь, приглашая.

– Пойдём со мной. Я не покупаю тебя для кухни или утех. Я вижу в тебе искру, девочка. А искру нужно беречь от ветра, чтобы она стала пламенем, способным осветить мир.

Марйам посмотрела на его ладонь. Линия жизни на ней была длинной и чёткой. Она колебалась всего секунду.

Потом медленно, очень осторожно вложила свою маленькую ледяную ручку в его тёплую, надёжную ладонь.

– Как мне называть тебя? – спросил он снова, когда они спускались с помоста, оставляя позади жадные взгляды и радостные вопли торговца.

Она остановилась. Посмотрела на серую пыль под ногами, на свои босые, сбитые в кровь ступни. Потом подняла взгляд на своего нового покровителя. В её глазах зажёгся новый огонь, холодный и решительный.

– Ариб, – произнесла она впервые. Голос её был хриплым от жажды, но твёрдым, как сталь дамасского клинка.

– Ариб? – удивился он, приподняв бровь. – «Умная»? «Сметливая»? Странное имя для ребёнка.

– Марйам умерла, – ответила она, и в голосе её не дрогнула ни одна нота. – Ариб будет жить. И Ариб запомнит всё.

Мужчина посмотрел на неё с глубоким уважением.

– Да будет так, Ариб. Я отвезу тебя туда, где твой ум и твой голос будут цениться дороже золота и камней. Но помни: путь к вершине лежит через боль и труд. Ты готова?

Она молча кивнула.

Они шли к выходу с рынка.

Маленькая Ариб ни разу не оглянулась. Она шла спиной к солнцу, и её тень, длинная и тёмная, бежала впереди неё, словно указывая дорогу в неизвестное будущее.

Тяжёлые кованые ворота рынка захлопнулись за ними с глухим гулом, отсекая шум толпы и смрад неволи. Наступила тишина.

В этой тишине закончилось детство.

Она была продана за пятьдесят динаров. Но в тот момент, когда тяжёлые монеты перешли из рук в руки, она знала: однажды она будет стоять больше, чем вся казна Халифата.

Потому что жемчужину можно купить, но тот внутренний свет, который она излучает, купить нельзя – им можно только восхищаться.

И только когда они сели в крытую повозку, и плотные бархатные занавеси скрыли от неё жестокий город, Ариб позволила себе слабость.

Одна-единственная слеза выкатилась из глаза. Она медленно скатилась по щеке, смывая грязь и копоть, и упала на ладонь. Прозрачная, как роса, и солёная, как море.

Ариб сжала кулак, раздавливая эту влагу.

«Это последняя», – пообещала она себе, глядя в полумрак повозки. – *«Больше я не плачу. Теперь плакать будут они. Все они».*

Повозка мягко качнулась и покати́лась прочь от проклятого Сук-аль-Ракик. Колёса стучали по мостовой, отсчитывая мгновения новой жизни, увозя маленькую рабыню навстречу её великой и страшной судьбе, о которой вскоре будут слагать легенды.

Глава 4. Бремя принца

Ветер в Хорасане не пел, как в изнеженном Багдаде. Он рыдал.

Здесь, на самых восточных окраинах Халифата, в древнем, как само время, городе Мерве, ночь пахла не жасмином и нагретыми за день мраморными ступенями. Она несла запах холодной пыли, горькой полыни и старого, рассыпающегося пергамента. Это был аромат вечности – сухой, безжалостный и честный.

Абдуллах аль-Мамун, второй сын Повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, стоял на высокой террасе губернаторского дворца, вцепившись пальцами в каменные перила.

Ему едва исполнилось семнадцать, но юность уже покинула это лицо. В уголках миндалевидных глаз залегли тонкие тени – печати ранней мудрости и той тревоги, что не дает спать праведникам. Он кутался в тяжёлый халат, подбитый лисьим мехом, пытаясь согреться, но озноб шёл не от ветра.

Этот холод жил внутри. Там, где должна быть отцовская любовь.

Внизу, в тёмном провале внутреннего двора, глухо перекликались караульные. При свете факелов хищно поблёскивали наконечники копий. Мерв был не дворцом наслаждений. Это была крепость, военная ставка, край обитаемой земли.

Как же невыносимо далеко это было от «Города Мира» – Багдада, с его журчащими фонтанами, благоухающими садами и поэтами, чьи речи слаще шербета! Но Абдуллах, сын персидской невольницы, научился любить эту суровость.

Здесь, среди свирепых песков, мысли становились яснее, а ложь – очевиднее. Здесь нельзя было спрятаться за шёлковыми занавесями.

Юноша резко развернулся и шагнул обратно в комнату.

Покои наместника меньше всего напоминали спальню особы царской крови. Скорее – келью одержимого учёного или приют отшельника. Вместо мягких пуфов и драгоценных ковров, в которые проваливается нога, здесь царили книги.

Свитки громоздились шаткими башнями на столах, змеились по полу, занимали все ниши в стенах, вытесняя собой роскошь. Греческие трактаты, переведённые терпеливыми сирийскими монахами, персидские хроники падишахов, индийские карты звёздного неба...

Это были его единственные верные друзья. Они не умели льстить, не прятали кинжал в рукаве и не требовали золота за свою мудрость.

Абдуллах подошёл к массивному дубовому столу и кончиками пальцев коснулся раскрытого манускрипта. Пергамент был шершавым и тёплым.

– «Счастье есть деятельность души в полноте добродетели», – прочел он вслух строки из «Никомаховой этики».

Слова Аристотеля повисли в тишине, и губы принца тронула горькая усмешка. Счастье? Разве царям дозволено знать, каково оно на вкус? В их кубках обычно лишь вино, смешанное с ядом подозрения.

Тяжёлая дверь скрипнула, нарушив его уединение.

В комнату бесшумно скользнул Фадл ибн Сахль – его наставник, его визирь, его тень. Человек с хищным, словно ястребиный клюв, носом и глазами, которые, казалось, видели судьбу на три хода вперёд.

Он был персом, потомком жрецов огня, принявшим ислам, и в Багдаде его ненавидели за острый ум так же сильно, как уважали за лисью хитрость.

– Ты снова ведешь беседы с тенью, мой господин? – тихо произнёс Фадл, ставя на стол серебряный поднос. От глиняной чаши поднимался пар, пахнувший чабрецом и мятой.

– Звёзды уже повернули к западу, Фадл. Телу нужен покой.

– Сон бежит от меня, как вода сквозь пальцы. – Абдуллах не притронулся к питью. Он снова подошёл к окну, вглядываясь в непроглядную черноту. – Я закрываю глаза и вижу багровый туман.

– Кровь Джафара Бармакида? – прямо, без обиняков спросил наставник.

Он никогда не боялся называть вещи своими именами. В этом была его сила.

Принц вздрогнул, словно от удара хлыстом. Страшная весть о падении могущественного рода Бармакидов долетела до Хорасана с загнанным гонцом всего три дня назад, но в ушах всё ещё стоял звон погребального колокола.

Джафар... Джафар ибн Яхья был не просто великим визирем. Он был другом. Он был наставником самого Абдуллаха, когда тот был всего лишь испуганным ребенком во дворце. Именно Джафар учил маленького принца правильно держать калам, именно он подарил ему первую медную астролябию, показывая путь к звёздам.

Он был тем щитом, что закрывал Абдуллаха, сына наложницы, от ядовитых насмешек надменной арабской знати.

– Отец уничтожил его, – голос юноши звучал глухо, словно из подземелья. – Повелитель правоверных отнял жизнь у своего молочного брата, у своего лучшего друга. У того, кто сделал его правление великим, кто держал империю на своих плечах! Если Харун ар-Рашид способен на такое... что ждет меня?

Фадл сделал шаг ближе. В неверном свете свечей его лицо казалось высеченным из камня.

– Тебя ждёт судьба, мой повелитель. Твой отец сейчас болен. Не телом, но духом. Он видит измену в каждой тени, предательство в каждом шёпоте. Он сокрушил Бармакидов не за вину, а за силу. Они стали слишком могущественны. Но ты... ты – не визирь. Ты – наследник.

– Я ВТОРОЙ наследник! – быстро обернулся Абдуллах, и халат метнулся за ним, как крыло раненой птицы.

В глазах принца вспыхнул яростный огонь – тот самый, что сжигал города.

– Первый – аль-Амин! Мой «драгоценный» брат. Сын чистокровной арабки Зубайды, принцессы из рода Хашимитов! Багдад боготворит его. Гвардия целует следы его коня. Поэты воспевают его красоту, словно он юсуф из Корана. А я? Я – сын рабыни-персиянки Марида. «Сын служанки» – вот что они шепчут мне в спину, когда думают, что я не слышу!

Он начал мерить шагами комнату, в бешенстве пиная лежащие на полу свитки.

– Отец разделил империю, как разрезают яблоко. Амину – сияющий Багдад, казну и власть. Мне – этот дикий восток, Хорасан и вечную войну с тюрками на границах. Это не наследство, Фадл! Это ссылка. Почётное изгнание, чтобы я не мешал его любимчику играть в великого халифа!

Визирь спокойно наблюдал за этой вспышкой, не перебивая. Лишь когда принц умолк, тяжело дыша, перс заговорил.

– Ты смотришь глазами обиженного мальчика, Абдуллах. А должен смотреть глазами Государя.

Фадл решительным жестом смахнул со стола бумаги и развернул большую карту. Пергамент зашуршал.

– Подойди. Посмотри сюда. Да, у Амина Багдад. У него золото, шелка, гаремы с тысячами красавиц и сладкая лесть придворных лизоблюдов. Он – павлин, распутивший хвост в золотой клетке. Но у тебя... у тебя Хорасан. У тебя – железо.

Визирь ткнул сухим пальцем в карту, туда, где были обозначены горные крепости.

– У тебя люди, которые привыкли смотреть смерти в лицо каждое утро, а не любоваться собой в зеркале. Здесь куют мечи, а не слагают оды. – Фадл поднял палец, указывая в потолок, и голос его зазвенел сталью. – Амин получит трон, это верно. Но он не удержит его. Он слаб,

избалован и капризен. Он любит удовольствия больше, чем долг перед Аллахом. А ты... ты любишь Истину. И ты сын своей матери.

При упоминании матери лицо Абдуллаха смягчилось.

Марида. Он знал её лишь по рассказам старых служанок. Тихая, нежная женщина с грустными глазами лани. Она ушла к праотцам в муках, даря ему жизнь. Он никогда не знал её тепла, не засыпал под её колыбельную, но чувствовал её горячую кровь в своих жилах. Кровь древних персидских царей, ставших рабами, но не потерявших величия.

– Персия за тобой, мой господин, – продолжал шептать визирь, словно змей-искуситель. – Весь Восток видит в тебе надежду на возрождение былой славы.

Абдуллах бессильно опустил в кресло, закрыв лицо руками.

– Я не хочу войны с братом, Фадл. Клянусь, не хочу. Я помню, как мы играли в дворцовом саду, когда были детьми. Амин смеялся, когда я падал, это правда. Но он всегда, слышишь, всегда подавал мне руку, чтобы помочь встать.

– Тот мальчик Амин умер, – безжалостно отрезал наставник. – Теперь есть Халиф аль-Амин. И вокруг него уже выются шакалы, которые день и ночь нащёптывают ему: «Твой брат опасен. Твой брат слишком умен. Он читает книги, пока ты пьешь вино. Убей его, пока он не забрал твой трон».

– Почему знание приносит столько печали? – прошептал Абдуллах. – Я хотел бы быть простым переписчиком книг. Сидеть в тихой библиотеке, дышать книжной пылью, переводить Платона... Зачем Всевышний возложил на мои плечи эту ношу – быть принцем?

В этот момент за окном раздался протяжный, тоскливый звук боевой трубы. Смена ночного караула. Звук этот был похож на плач огромного, раненого зверя, эхом отразившийся от стен цитадели.

Абдуллах поднял голову. В его взгляде что-то изменилось. Детская обида, еще минуту назад терзавшая душу, уступила место холодной, взрослой решимости.словно внутри него захлопнулась тяжелая книга прошлого.

– Джафар мертв, – произнес он твердо. – Моего учителя больше нет. Мой отец стал заложником своего страха. Мой брат станет марионеткой в руках льстецов.

Он встал и медленно подошёл к столу, где лежал Аристотель. С почти благоговейным трепетом он закрыл книгу. Тяжелый переплет глухо ударил о дерево.

– Хватит читать о добродетели, – сказал он, и голос его окреп. – Пришло время защищать её мечом. Фадл!

– Я слушаю.

– Готовь указ. Мы не отправим в Багдад налоги за этот год. Ни единого дирхема. Ни единого зёрнышка.

Визирь слегка улыбнулся. Это была улыбка победы, которую он ждал годами.

– Это открытый бунт, мой господин. Халиф будет в ярости. Амин потребует твоей головы на блюде.

– ПУСТЬ ТРЕБУЮТ! – Голос Абдуллаха заполнил комнату, в нем зазвенела та самая хорасанская сталь. – Пусть приходят и возьмут, если у них хватит духа проливать братскую кровь. Я больше не буду «сыном рабыни». Я буду тем, кто вернет этому миру разум. Если Багдад добровольно погрузился во тьму невежества и порока, тогда, Солнце должно взойти здесь, на Востоке.

Он подошёл к окну и резким движением распахнул тяжёлые ставни. Ледяной ветер ворвался в комнату, заставив пламя свечей метаться, как испуганные души грешников. Но принц даже не поёжился.

– Знаешь, Фадл... – задумчиво сказал он, глядя на россыпь звёзд, сияющих над пустыней. – Мне кажется, где-то сейчас есть душа, такая же одинокая, как моя. Кто-то, кого тоже лишили дома, кого пытались сломать, превратить в вещь, в игрушку для утех.

– О ком ты, мой господин? О какой-то женщине?

– Не знаю... Просто предчувствие. Странное чувство, будто я не один в этой темноте. Будто кто-то зовёт меня.

Абдуллах не знал и не мог знать, что в этот самый миг, в сотнях лиг от холодного Мерва, по каменистой дороге тряслась бедная повозка. В ней, сжав маленькие кулачки до белизны, сидела девочка. У неё не было ничего, кроме гордости и таланта. Она ехала прочь от невольничьего рынка, прочь от прошлого.

Её звали Ариб.

Он не знал её имени. Он никогда не видел её лица.

Но невидимая нить судьбы, та самая, что прочнее китайского шёлка и острее дамасской стали, уже протянулась между ними через пустыни, годы и испытания.

Нить, которая однажды свяжет Повелителя Мира и его самую непокорную, самую талантливую рабыню.

Принц отвернулся от окна, оставив звёзды свидетелями своей клятвы.

– Убери книги со стола, визирь, – приказал он тоном, не терпящим возражений. – И принеси карты. Мне нужны подробные карты укреплений Багдада.

– Слушаюсь, о аль-Мамун, – низко поклонился Фадл, впервые назвав его не по имени, а по тронному титулу, который юноша выбрал себе сам.

Аль-Мамун. Тот, кому доверяют.

Ночь продолжалась, укрывая землю своим бархатным плащом. Ветер всё так же выл над зубцами мервской цитадели, но теперь в этом вое слышалась не тоска, а грозная, нарастающая угроза.

В далёком Багдаде стареющий Халиф Харун ар-Рашид в безумии оплакивал потерю друга, которого сам же обрёл на гибель. На пыльных дорогах империи скрипели колёса повозки, увозящей девочку навстречу неизвестности.

А здесь, в холодной келье, юноша отложил перо и потянулся к рукояти меча.

Мир, затаив дыхание, замер. Великие весы истории качнулись. Три линии судьбы начали своё сближение, чтобы однажды пересечься и вспыхнуть пожаром, в котором сгорит старая эпоха и из пепла родится Золотой Век.

Абдуллах сел за стол, разглаживая карту широкой ладонью. Его палец лёг на точку, обозначающую Багдад – город его детства, город его боли.

– Я вернусь, – прошептал он то же самое обещание, что в этот миг дала себе маленькая Ариб, глядя на луну. – Но я вернусь не просителем, стоящим на коленях.

Глаза будущего халифа сверкнули в полумраке.

– Я вернусь Хозяином.

Свеча догорела и погасла, оставив комнату в предрассветных сумерках. Но Абдуллах больше не боялся темноты.

Он учился быть светом для самого себя.

Глава 5. Школа слёз

Повозка качнулась в последний раз и замерла. Скрип колес, мучивший Ариб всю дорогу, сменился гулкой, ватной тишиной. Сквозь плотную ткань полога пробивались лучи заходящего солнца, окрашивая всё внутри в тревожный багрянец.

Ариб не знала, куда её привезли. Но её нос, чуткий, как у маленького зверька, уловил перемену. Здесь пахло иначе. Не гарью и пеплом, пропитавшими руины отцовского дворца. Не липким страхом и прогорклым потом, как на невольничьем рынке, где её оценивали, словно кобылицу.

Здесь пахло строгой, холодной чистотой. Старым воском, розовой водой, сухой древесиной и... напряжением. Этот запах напоминал натянутую до предела струну уда, готовую лопнуть от одного неосторожного вздоха.

Тяжёлые ворота отворились бесшумно, словно их петли были смазаны маслом покорности.

– Выходи, – раздался голос её нового владельца, аль-Амина ибн Мухаммада. Он звучал мягко, как бархат, под которым скрывается сталь.

Ариб выбралась наружу. Ноги, затекшие от долгого сидения, подогнулись, но она упрямо выпрямила спину. Перед ней раскинулся внутренний двор богатого багдадского дома. Высокие стены, увитые плющом, надежно прятали этот мир от посторонних глаз.

Но двор этот был странным. Пугающим.

Здесь не сновали праздные слуги, не слышалось смеха, не звенели браслеты беззаботных наложниц. В густой тени арочных сводов сидели девочки – десятки девочек разного возраста, от совсем крох до расцветающих девушек. И они не играли.

Одни держали в руках увесистые манускрипты, беззвучно шевеля губами, заучивая строки древних поэтов. Другие перебирали струны удов, и лица их были искажены сосредоточенностью, граничащей с болью. Третьи застыли в неестественных, ломаных позах, оттачивая изящество танца до тех пор, пока мышцы не начинали дрожать.

Воздух дрожал от странной какофонии – обрывки мелодий, монотонные распевки, сухой стук пальцев по полированному дереву. Но это не было музыкой. Это был звук каторжного труда.

– Добро пожаловать в «Дом Струн», – тихо произнёс аль-Амин, положив руку на худенькое плечо девочки. – Здесь умирают ленивые и рождаются легенды.

Навстречу им из прохлады айвана вышла женщина.

Она казалась величественной колонной, поддерживающей свод этого храма искусств. Высокая, статная, облачённая в обычное, но дорогое темно-синее платье без единого украшения.

Её волосы, тронутые благородным серебром седины, были туго убраны под строгий платок, не позволяя выбиться ни единому волоску.

Лицо женщины было красивым той суровой, монументальной красотой, какую приобретают прибрежные скалы, о которые годами бьются соленые волны.

Это была Мария. Гречанка-христианка, лучшая наставница кайн во всём Багдаде. Женщина, которая знала о музыке всё, а о человеческих душах – ещё больше.

– Это она? – спросила Мария, не тратя времени на пустые приветствия. Её голос был низким и чуть хриловатым, словно старый смычок.

Взгляд наставницы, острый, как портняжная игла, прошелся по грязному, некогда роскошному платью Ариб, по её спутанным чёрным локонам и остановился на глазах. В них не было страха рабыни. В них тлели угли пожара.

– Она, – кивнул аль-Амин. – Я заплатил за неё пятьдесят динаров.

Мария хмыкнула, и в этом звуке было больше скепсиса, чем в словах любого торговца.

Она подошла к Ариб вплотную, взяла её за руку и бесцеремонно перевернула ладонью вверх, словно осматривала товар.

– Кожа слишком нежная, – вынесла она вердикт, проводя шершавым пальцем по ладони девочки. – Пальцы слабые, кости тонкие. Она держала в руках только китайский шелк и медовые сладости. Пятьдесят динаров за эти бесполезные руки? Ты переплатил, мой друг.

Ариб хотелось выдернуть руку, укусить эту надменную женщину, закричать, что она дочь визиря, а не товар. Но ком в горле не давал издать ни звука.

– Я платил не за руки, – спокойно ответил хозяин, глядя на маленькую пленницу с интересом игрока, сделавшего рискованную ставку. – Я платил за то, что скрыто внутри. В ней есть огонь, Мария. Твоя задача – сделать так, чтобы этот огонь не испепелил её саму, а начал светить другим.

Мария брезгливо отпустила руку девочки, словно та была испачкана.

– Огонь? – переспросила она с тенью горькой усмешки. – Здесь мы гасим пожары слезами, а потом разжигаем их заново, но уже по нашей воле. Оставь её. Я посмотрю, годится ли она хоть на что-то, кроме как украшать ковры в гареме.

Хозяин ушел, не прощаясь, оставив Ариб одну перед этой женщиной-скалой.

– Как твое имя? – спросила Мария.

– Ариб.

– Ариб... – наставница медленно покачала головой, пробуя имя на вкус. – «Сметливая», «Умная». Имя обязывает. Ну что ж, Ариб. Слушай меня внимательно. Забудь всё, чем ты жила раньше. Забудь мягкие подушки, забудь ласку родителей, забудь слово «хочу». С этого дня у тебя есть только одно слово: «надо».

Она наклонилась к самому лицу девочки, и Ариб почувствовала запах ладана.

– Твоё тело больше не принадлежит тебе. Твой голос не принадлежит тебе. Твои слёзы не принадлежат тебе. Всё это теперь принадлежит Искусству.

Так началась жизнь, которую Ариб много лет спустя назовет «годами, выкованными из железа».

Распорядок в «Доме Струн» был жестче, чем в казармах гвардейцев Халифа. Подъем – задолго до восхода солнца, когда муэдзины на минаретах только прочищали горло для первого азана. Ледяная вода из колодца в лицо, чтобы смыть остатки снов о прошлом. Скучный завтрак – черствая лепешка, горсть фиников, вода.

«Сытая птица не поет, она дремлет», – любила повторять Мария, прохаживаясь между рядами учениц с тонкой тростниковой палкой.

Затем начинались часы изнурительных упражнений.

Ариб ненавидела это всей душой. В доме отца, во дворце Бармакидов, музыка была радостью, порхающей бабочкой. Она пела, когда хотела, и её хвалили. Здесь пение превратили в изошренную пытку.

Их заставляли держать одну ноту так долго, что в глазах темнело, а легкие, казалось, готовы были разорваться. Их заставляли учить наизусть бесконечные касыды доисламских поэтов, сложные, витиеватые, полные архаичных слов. И за каждое забытое слово, за каждую неверную интонацию следовал резкий, обжигающий удар палкой по ладоням.

– Память певицы должна быть вместительнее главной библиотеки Багдада! – гремел голос Марии над их головами. – Если ты не помнишь стихов, ты не кайна, ты пустой глиняный кувшин!

Но хуже всего был уд.

Благородная арабская лютня, инструмент с коротким изогнутым грифом и пузатым корпусом, похожим на половинку гигантской груши. В руках мастеров он пел о вечной любви и горькой разлуке. В руках Ариб он стал орудием истязания.

Струны были жесткими, жильными, натянутыми так туго, что резали кожу. Чтобы извлечь чистый, бархатный звук, нужно было прижимать их к грифу с силой, которой у шестилетней девочки не было.

– Сильнее! – требовала наставница, нависая над ней, как коршун. – Звук дрожит, он дребезжит, как старая телега! Ты гладишь кошку или играешь музыку? Прижимай! Вжимай струну в дерево!

– Мне больно! – крикнула однажды Ариб, отдергивая руку.

На кончиках её нежных пальцев лопнула кожа. Выступили яркие бусинки крови, испачкав драгоценную перламутровую инкрустацию грифа.

Мария перехватила её запястье с неожиданной силой. В классе воцарилась мертвая тишина. Другие девочки вжали головы в плечи, ожидая расправы.

– Больно? – переспросила гречанка пугающе тихо.

– Да! – выкрикнула Ариб, и слезы брызнули из глаз.

– Ты думаешь, это боль? – Мария поднесла кровоточащие пальцы Ариб к её же лицу. – Посмотри. Это не боль. Это плата. Ты хочешь, чтобы великие визири и сам Повелитель Правовверных плакали, слушая тебя? Ты хочешь, чтобы мужчины забывали имена своих жен при звуке твоего голоса?

Глаза наставницы сверкнули фанатичным блеском.

– Тогда ты должна отдать свою кровь этим струнам. Искусство – это демон, Ариб. Древний и алчный джинн. Он не питается водой или хлебом. Он питается твоей жизнью, твоей душой и твоей болью.

Она достала из складок платья маленькую баночку с едкой, резко пахнущей мазью и грубо, без жалости намазала ранки девочки.

– Жжет?

– Да, – процедила Ариб сквозь стиснутые зубы, глотая соленые слезы, но не позволяя себе закричать. Гордость рода Бармакидов не позволяла ей сломаться перед этой женщиной.

– Хорошо. Живая, заживет, – кивнула Мария. – Завтра на месте ран будет мозоль. А послезавтра мозоль станет твердой, как кость. И тогда ты сможешь играть. Продолжай.

И Ариб продолжала. Она играла сквозь пелену слёз, сквозь нестерпимое жжение, сквозь лютую ненависть. Она ненавидела этот дом, пропитанный запахом пота и благовоний, ненавидела этот проклятый уд, ненавидела Марию.

По ночам она лежала на жесткой тростниковой циновке в общей спальне, глядя в темный потолок, и шептала одними губами: «Папа... Зачем ты оставил меня здесь? Лучше бы палач забрал меня вместе с тобой. Лучше бы я умерла принцессой, чем жила рабыней».

Прошло полгода.

Зима в Багдаде сменилась душным летом. Нежная кожа на крохотных пальцах Ариб исчезла, уступив место грубым, твердым мозолям, похожим на роговые пластины. Она научилась держать дыхание так долго, что могла бы нырнуть на дно Тигра за жемчужиной и вернуться обратно. Она выучила сотни стихов, макамов и ритмов.

Но она молчала.

Она делала всё механически, безупречно, как заводная кукла, привезенная из Византии. Её голос был чистым, сильным, технически совершенным, но в нём не было души. Он был холодным и отстраненным, как зимний ветер в пустыне.

– Ты поешь, как деревяшка! – сердилась Мария, морщась, словно от зубной боли. – Ноты верные, ритм точный, но слушать это невозможно. В этом нет жизни! Где твое сердце, Ариб?

– У меня нет сердца, – дерзко отвечала девочка, глядя прямо в глаза наставнице. – Вы же сами сказали: я пустой кувшин.

Однажды душным вечером, когда остальные девочки уже спали, измотанные тренировками, Ариб сидела во дворе у мраморного фонтана. Она держала уд на коленях, но не играла. Она смотрела на полную луну, которая дрожала в черной воде, отражаясь бледным ликом.

Ей было всего семь лет, но она чувствовала себя дряхлой старухой, прожившей тысячу лет.

– Почему ты не спишь?

Ариб не обернулась. Она знала этот голос, эту тяжелую поступь. Мария.

Наставница села рядом на каменный бортик. Сегодня она не казалась такой грозной и неприступной. В серебристом лунном свете её лицо выглядело усталым, а морщины у глаз стали глубже. Она сняла маску тирана.

– Ты ненавидишь меня, – сказала Мария утвердительно. Это был не вопрос.

– Да, – искренне сказала Ариб. – Ненавижу.

– Это хорошо, – неожиданно кивнула гречанка. – Ненависть, сильное чувство, горячее. Оно лучше, чем то ледяное равнодушие, в которое ты закуталась. На ненависти можно построить крепость. На равнодушии, только шаткий шалаш, который сдует первый же ветер.

Мария опустила руку в прохладную воду, разбив отражение луны на тысячи сверкающих осколков.

– Я знаю, кто ты, Ариб. Я знаю, чья кровь течет в твоих жилах.

Девочка вздрогнула всем телом и прижала уд к груди, как щит.

– Твой хозяин рассказал мне. Ты, дочь Джафара Бармакида. Великого визиря. Родилась на шелковых подушках, ела с золотых блюд, а теперь спишь на соломе с простолудинками. Думаешь, что это конец, что Аллах отвернулся от тебя и наказал за грехи отцов.

– А разве нет? – голос Ариб дрогнул и сорвался на шепот. – У меня забрали всё. Семью, дом, имя...

– Глупая, – мягко сказала Мария. Впервые в её голосе прозвучало что-то, отдаленно похожее на материнское тепло. – У тебя забрали только вещи: стены, платья, драгоценности. Но никто, слышишь, никто, ни Халиф, ни палач, ни даже я, не сможет отнять у тебя то, что вложил в тебя Бог: твой дар.

Женщина коснулась мозолистых пальцев девочки.

– Посмотри на эти руки. Они уже не изнеженные ручки принцессы. Это руки труженика. Руки мастера.

– Они уродливые, – прошептала Ариб, стыдливо пытаясь спрятать ладони.

– Нет. Они прекрасные. Потому что они создают красоту, которой нет в этом мире. Послушай меня, девочка. Твой отец мертв. Твой великий род уничтожен. Ты можешь плакать об этом всю жизнь, жалеть себя, и тогда ты навсегда останешься рабыней, которая развлекает гостей за объедки со стола.

Мария взяла её за подбородок и заставила посмотреть себе в глаза.

– Или ты можешь сделать свою боль своим главным оружием. Знаешь, почему люди любят музыку? Не потому, что она веселит на пирах. А потому, что она говорит о том, о чем они молчат. О боли. О невосполнимой потере. О любви, которой больше нет.

Она говорила страстно, и Ариб вдруг поняла: эта железная женщина тоже когда-то потеряла всё.

– Ты, Ариб, в свои семь лет знаешь о потере больше, чем любая из моих взрослых учениц. Твоя чаша переполнена горем до краев. Так выплесни её! Не держи этот яд в себе!

Она решительно подтолкнула уд к рукам девочки.

– Не играй те глупые песни про соловьев и розы, что я задавала. Забудь про них! Сыграй мне то, что у тебя внутри. Прямо сейчас. Сыграй мне смерть своего отца. Сыграй мне свой страх, когда тебя тащили из дома. Сыграй мне свою ненависть ко мне!

– Я не могу... – испугалась Ариб, отшатываясь. – Это нельзя играть...

– Можешь! – рявкнула Мария прежним командным тоном. – Если не сыграешь сейчас, ты сломаешься навсегда. Ты станешь обычной. А быть обычной для дочери Бармакида – хуже смерти. Играй, или проваливай отсюда мыть полы!

И Ариб ударила по струнам.

Сначала робко, неуверенно. Звук был резким, диссонирующим, царапающим слух. Но потом пальцы вспомнили. Не уроки, нет. Они вспомнили ту страшную ночь. Крики стражи. Звон разбитого венецианского стекла. Топот коней гвардейцев. Запах гари.

Она закрыла глаза и позволила тьме, жившей в её сердце полгода, вырваться наружу.

Мелодия родилась сама собой. Она была низкой, рокочущей, как гром перед песчаной бурей. Пальцы летали по грифу с бешеной скоростью, которую она и сама от себя не ожидала. Струны безжалостно впивались в твердые мозоли, но теперь она не чувствовала боли. Она чувствовала освобождение.

Это был плач брошенного ребенка, который перерастал в яростный вой волчицы, попавшей в капкан. Уд стонал в её руках, как живое существо. Он жаловался, он проклинал несправедливость небес, он молил о пощаде и тут же отвергал её.

А потом она запела.

Без слов. Только голос, чистый и мощный, который взлетал к звездному небу, обвивался вокруг минаретов Багдада, падал камнем вниз и снова взмывал, как птица феникс. В этом голосе была вся горечь сиротства, вся обида униженной гордости и вся ярость жизни, которая отказывается умирать.

Музыка заполнила весь двор, отразилась от стен, проникла в каждый уголок спящего дома.

Когда она закончила, последняя нота повисла в воздухе, дрожа долго и пронзительно, пока не растворилась в ночном стрекотании цикад.

Ариб открыла глаза. Она тяжело дышала, грудь ходила ходуном. По лицу текли слезы, но это были не те злые, едкие слезы бессилия, что душили её раньше. Это были слезы очищения. Дождь, смывший грязь с души.

Мария сидела неподвижно, словно изваяние. По её суровой щеке тоже медленно катилась одинокая слеза, блестя в лунном свете, как алмаз.

– Вот, – прошептала наставница едва слышно. – Вот теперь ты певица.

Она протянула руку и вытерла мокрое лицо девочки своим жестким, пахнущим сандалом пальцем.

– Запомни это чувство, Ариб. Сохрани его в памяти. Когда ты поешь так, ты не рабыня, ты повелительница. В тот момент, когда звучит такая музыка, даже могущественный Халиф всего лишь твой покорный слушатель. Ты держишь его сердце в своих руках и можешь сжать его или исцелить.

Мария тяжело встала, расправляя складки платья. К ней вернулась её обычная строгость, но в глубине глаз светилась гордость мастера, увидевшего, как необработанный алмаз впервые сверкнул гранью.

– А теперь иди спать. Завтра будет трудный день. Мы начнем учить сложные персидские лады. И клянусь, если ты сфальшивишь хоть раз, я ударю тебя палкой так, что ты неделю не сядешь.

– Я знаю, – ответила Ариб.

И впервые за полгода на её губах появилась улыбка. Не робкая, не заискивающая, а спокойная и уверенная.

Она посмотрела на свои руки. На детских пальцах алели свежие следы от струн. Но теперь они казались ей не ранами, а знаками отличия. Медальями за битву, которую она только что выиграла.

Она больше не Марйам, маленькая испуганная девочка, потерявшая отца. Она – Ариб аль-Мамунийя. И её голос способен разрушать стены и возводить дворцы.

Где-то далеко, в Золотом дворце, Халиф ворочался на прохладных шелковых простынях, терзаемый смутными кошмарами о предательстве. А здесь, на жесткой циновке, маленькая рабыня заснула спокойным, глубоким сном воина перед решающей битвой.

Её школа слёз закончилась. Началась школа славы.

Глава 6. Осаждённый город

Время в Багдаде, некогда тягучее и сладкое, словно финиковый сироп, теперь горчило полынью и гарью.

Прошло несколько лет с той роковой ночи, когда маленькую дочь визиря, словно вещь, продали на невольничьем рынке.

Годы эти пронесли, как яростная песчаная буря – хамсин, стирая имена, ломая судьбы и размывая границы дозволенного.

Великий Харун ар-Рашид ушёл к праотцам, оставив империю двум сыновьям, как делят лепёшку пополам.

Но разве можно раздать безграничную власть и не окропить землю красным? Старший брат пошёл против младшего.

Армия Мамуна, закованная в суровое хорасанское железо, плотным кольцом стояла у стен Багдада. Войска Амина, пьяная, разрозненная и потерявшая надежду, заперлась внутри.

«Город Мира» превратился в место войны и хауса.

Масрур аль-Кабир, верный палач и тень покойного Харуна, стоял на крепостной стене у Хорасанских ворот.

Он постарел. В густой бороде серебрилась седина, но старец всё ещё был могуч, как вековой дуб, корни которого уходят в самую суть халифата. Его чёрный плащ бился на горячем ветру, словно крыло раненого ворона.

Взгляд старого воина был прикован к низине, туда, где когда-то зеленели знаменитые райские сады предместий. Теперь там, словно скелеты доисторических чудовищ, возвышались осадные машины.

Огромные деревянные конструкции скрипели жилами натянутых канатов, готовые выплюнуть смерть.

ГР-Р-Р-АХ!

Большая глыба, пущенный катапультой хорасанцев, с низким гулом рассёк раскалённый воздух и рухнул где-то в квартале гончаров.

Земля под ногами содрогнулась, будто в лихорадке. К белому небу взметнулся столб пыли, смешанный с криками, которые отсюда, с высоты, казались писком потревоженных муравьёв.

Масрур даже не моргнул.

За долгие месяцы осады его сердце покрылось коркой безразличия. Он видел, как жемчужина Востока превращается в руины.

Наблюдал, как изысканные поэты дерутся за кусок хлеба. Был свидетелем того, как дворцы, где прежде звучала лишь лютня, стали конюшнями, пропитанными запахом навоза и пота.

– Сахиб, Повелитель ждёт тебя, – раздался за спиной робкий голос вестового.

Масрур сплюнул вязкую пыль и медленно направился к лестнице. Ему предстояло самое трудное испытание. Не битва с врагом, а взгляд в глаза безумию.

Во дворце Халифа аль-Амина шло пиршество слепых.

Снаружи за толстыми стенами цитадели, правоверные умирали от голода и стрел, а здесь, в Павильоне Вечности, лилось рекой ширазское вино и звенели браслеты наложниц. Но это веселье было истеричным, надрывным, фальшивым.

Так смеётся человек, уже чувствующий холодное дыхание бездны у своих ног.

Халиф аль-Амин сидел у кромки искусственного пруда, облицованного лазуритом. Правитель лениво, словно во сне, бросал в воду крошечные кусочки золотой фольги.

Сын великой Зубайды был неотразим, но той порочной, оплывшей красотой, которая бывает у перезревшего персика, забытого на солнце. Его глаза, подведённые сурьмой, были мутными от опиума и липкого страха.

– Масрур! – воскликнул правитель, увидев своего верного слугу. В голосе халифа звучала детская надежда. – Ты принёс мне благие вести? Мой брат отступил? Аллах наслал на его войско язвы?

– Нет, Повелитель, – глухо ответил евнух, опускаясь на одно колено. – Армия Тахира, полководца твоего брата, прорвало оборону у моста. Они забросали рынок Карх горшками с горящим нафтом. Весь квартал в огне. Если мы не выведем гвардию сейчас...

– Рынок? – капризно перебил Амин, обиженно надув пухлые губы. – Пусть горит. Там всегда воняло тухлой рыбой и простолюдинами.

Он отвернулся к пруду, потеряв интерес к войне.

– Посмотри, Масрур. Подойди ближе. Моя любимая рыбка... Она умерла сегодня утром.

Халиф указал пальцем, униженным перстнями, на всплывшую брюхом вверх золотую рыбку.

– Вот где трагедия! – голос его задрожал от искренних слёз. – Я так любил её. Я уже приказал казнить слугу, который менял воду. Как ты думаешь, мой друг, это справедливо? Хватит ли одной жизни за такую утрату?

Масрур сжал рукоять меча так, что побелели костяшки огромных пальцев. Кожаная оплётка жалобно скрипнула.

Перед ним сидел правитель половины мира. Амир аль-муминин. Человек, ради которого прямо сейчас на стенах гибли тысячи преданных солдат. И он оплакивал рыбку, пока его столица захлёбывалась в собственной крови.

«Твой отец, Харун, перевернулся бы в своей усыпальнице, видя это ничтожество», – с горечью подумал старый воин, но вслух произнёс лишь:

– Справедливость – в руках Аллаха, Повелитель. Но стены дворца не выдержат ещё одного штурма. Тебе нужно бежать. Или сражаться, как подобает льву.

– Скакать на коне и махать мечом? – Амин рассмеялся, и смех этот был похож на звон битого венецианского стекла. – Я Халиф! Я Тень Бога на земле! Зачем мне ввязываться, если у меня есть ты?

Он махнул рукой, прогоняя назойливую реальность:

– Иди, Масрур. Убей их всех. А я... я хочу послушать музыку. Где певицы? Почему так тихо? Пусть сыграют мне что-нибудь печальное, под стать моей скорби по этой рыбе.

Великий евнух поклонился, пряча в глазах смесь жалости и отвращения. Он вышел из прохладного павильона, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу.

Этот мир был обречён. Золотой Век заканчивался не великой битвой героев, а жалким, постыдным фарсом.

Масрур вскочил на коня и направил скакуна в город.

Улицы Багдада напоминали преисподнюю. Дома с зияющими проломами в стенах смотрели на всадника пустыми, закопчёнными глазницами окон. На мостовых валялись тела, которые некому было убирать; стаи бродячих собак грызлись за страшную добычу.

Внезапно внимание старого воина привлекло знакомое здание в богатом квартале Русафа.

Высокий забор, увитый засохшим плющом. «Дом Струн». Школа той самой гречанки, Марии.

Масрур натянул поводья, заставляя коня плясать на месте. Он помнил. Хранил в памяти тот приказ, который сам же отдал несколько лет назад своим шпионам: «Следите за ней».

Он знал, что дочь Джафара Бармакида всё ещё там.

«Жива ли эта девочка?» – мелькнула шальная мысль. – «Или война забрала и это последнее семя великого рода?»

Любопытство, странное и неуместное среди всеобщей гибели, толкнуло его к воротам. И в этот самый миг небо раскололось.

Свист. Жуткий, нарастающий вой, от которого кровь стынет в жилах. Огромный камень, пущенный осадной машиной, пролетел над головой Масрура и врезался в соседнее здание – старую пекарню, примыкающую к мектебу.

БАБАХ!

Стена рухнула, подняв тучу удушливой пыли и осколков. Адское пекло хлестнуло в лицо, и силой этого удара распахнуло ворота «Дома Струн».

Из них с визгом и криками выбегали девочки-ученицы, кашляя и закрывая лица руками. Они тащили узлы с одеждой, кувшины с водой, кто-то в страхе прижимал к груди чёрствые лепёшки.

Паника. Хаос. Крик.

Мария, постаревшая за эти годы на целую жизнь, посеревшая от пыли, пыталась навести порядок, размахивая своей неизменной тростниковой палкой.

– К реке! Всё к Тигру! – кричала наставница, срывая голос. – Там лодки! Не останавливайтесь!

Масрур наблюдал за этим с высоты седла, неподвижный и мрачный, словно ангел смерти Азраил, пришедший за жатвой.

И вдруг он увидел её.

Девушка-подросток. Ей было лет четырнадцать. Тонкая, как тростинка, в простом сером платье, покрытом пеплом.

Она выбежала вместе со всеми, но вдруг остановилась, словно наткнувшись на невидимую стену.

Что-то заставило беглянку замереть посреди улицы, где градом сыпались камни и черепица. Она оглянулась на горящий дом, на чёрный дым, валивший из окон спален.

– Нет! – закричала она.

Голос был звонким, сильным, перекрывающим грохот войны и треск пожара.

– Я забыла!

– Беги, дура! – рывкнула ей Мария, грубо толкая в спину. – Жизнь дороже! Уходим!

Но девушка вырвалась с кошачьей ловкостью. Она развернулась и бросилась обратно. В дым. В огонь. В нутро умирающего дома.

Масрур замер, не веря своим глазам.

Что она забыла? Золото? Драгоценности, спрятанные под половицей? Письма родных? Ради чего можно добровольно шагнуть в пекло?

Секунды тянулись как часы. Очередной снаряд с треском ударил совсем рядом, осыпав улицу градом осколков. Конь под евнухом испуганно всхрапнул.

«Погибла», – равнодушно отметил про себя воин. – «Глупая девчонка. Жадность сгубила её, как и многих других».

Но из клубов едкого дыма, кашляя и спотыкаясь, появилась фигура.

Её платье тлело на подоле, лицо было чёрным от сажи, по щеке текла кровь. Но девушка бежала, прижимая к груди не мешок с динарами. И не шкатулку с камнями.

Ариб прятала в объятиях уд.

Старый, потёртый инструмент с пузатым корпусом. Девушка закрывала его своим телом, как мать защищает младенца от стрелы.

Она берегла его хрупкий деревянный гриф от ударов, не обращая внимания на то, что сама сбила босые ноги в кровь о камнях мостовой.

Ариб выбежала на середину улицы и склонилась на колени, жадно глотая раскалённый воздух.

Масрур тронул коня шпорами. Тень от всадника закрыла юную безумицу. Она подняла голову.

Глаза.

Те же самые, что и много лет назад в разграбленном дворце визиря. Огромные, миндалевидные, тёмные как ночь в пустыне, и столь же безразличные к опасностям. Только теперь в них была ещё и стальная мудрость человека, который нашёл свой смысл.

– Ты вернулась в огонь за... деревяшкой? – спросил Масрур. Голос его прозвучал неожиданно громко и хрипло в наступившей на миг тишине.

Ариб, а это была она, посмотрела на страшного всадника в чёрном. Она не узнала его. Для неё это был просто ещё один демон войны, которого нужно было миновать.

Она медленно встала, крепче прижимая спасённый инструмент к сердцу.

– Это не деревяшка, господин, – ответила она тихо, но твёрдо. – Это моя душа. Без еды я проживу неделю. Без своего уда мне не жить и дня.

Масрур смотрел на неё сверху вниз.

Вокруг горел великий Багдад. Империя, которую он строил и охранял тридцать лет, рассыпалась в прах. Халиф сошёл с ума, рыдая над мёртвой рыбой. Люди превратились в диких зверей, готовых перегрызть глотку за корку хлеба.

А эта девчонка, рабыня, «пыль под ногами», стояла посреди преисподней и спасала музыку.

Впервые за долгие годы службы что-то дрогнуло в гранитной груди Великого Евнуха. Как будто треснул лёд на замёрзшей реке.

Он вдруг понял, почему династии падают, а искусство живёт вечно. Династию кормят штыками и страхом. А искусство кормят вот так – прижимая к сердцу, закрывая телом от огня, жертвуя кожей ради струн.

В этой перемазанной сажей девчонке было больше величия, чем во всём дворце Амина.

– Уходи, – сказал он, убирая руку с рукояти меча.

Ариб не шелохнулась, недоверчиво глядя на гиганта.

– Беги к реке! – рявкнул он, чтобы привести её в чувство. – Вон там, через проулок, проход к пристани свободен. Мои люди не тронут тебя. Беги, пока я не передумал!

Она кивнула. Один раз, коротко с достоинством равного. И побежала.

Тонкая фигурка исчезла в сером мареве дыма, унося с собой свой драгоценный груз навстречу неизвестности.

Масрур остался один посреди пустой улицы.

Очередной камень с грохотом ударил в крепостную стену вдали. Слышались яростные крики штурмующих: «Мамун! Мамун! Смерть тирану!».

Евнух поправил плащ.

– Живи, дочь Визиря, – прошептал он в гарь и копоть. – Живи и пой. Потому что, кроме твоих песен, от этого проклятого времени скоро ничего не останется. Даже меня.

Он резко развернул коня и погнал его галопом назад, к дворцу. К своему безумному господину, который всё ещё ждал музыку, пока мир вокруг него горел синим пламенем.

Масрур скакал умирать за клятву, обесцененную временем и предательством. Но в душе воина воцарилось странное спокойствие. Он обрёл то, что искал. Палач увидел, как нежный цветок пробивает каменную плиту могилы.

Багдад падал. Но Ариб выжила. Теперь музыка будет звучать даже на руинах, и эта песнь будет громче, чем грохот войны.

Но куда бежать маленькой кайне, когда весь город превратился в ловушку?

Лодка у причала качалась на тёмных волнах Тигра, готовая унести её в новую жизнь, полную опасностей, о которых она даже не подозревала ...

Глава 7. Пепел и Струны

Воды Тигра в ту ночь казались чернильными, густыми, словно река вобрала в себя всю скорбь разрушенного города.

Вечная кормилица Багдада теперь несла на своей спине не лепестки роз и прогулочные ялики влюблённых, а страшный урожай войны: обугленные балки, сорванные ветром шелка навесов и тех, чей земной путь оборвался слишком рано.

Старая лодка, в которую набились перепуганные ученицы школы Марии, сидела в воде опасно низко. Борта жалобно скрипели, грозясь не выдержать тяжести стольких судеб.

Девочки, прижавшись друг к другу, дрожали крупной дрожью, хотя ночь дышала жаром недавних пожарищ. Плач стих. Ему на смену пришло оцепенение – то самое, когда душа прячется глубоко внутри, боясь выглянуть наружу.

Лишь тихий плеск вёсел, предусмотрительно обмотанных ветошью, нарушал гнетущую тишину. Да где-то далеко, на покинутом берегу, были псы, оплакивая своих хозяев.

Ариб сидела на корме, прямая, словно натянутая струна. Её пальцы, сбитые в кровь, судорожно сжимали гриф уда. Боли она не чувствовала. Казалось, всё тело онемело, превратилось в камень. Единственное, что связывало её с реальностью – тяжесть инструмента на коленях.

Это была не просто «деревяшка», как пренебрежительно бросил тот страшный чернокожий всадник у ворот. Нет. Это был её ковчег. Пока у неё есть эти струны, она не бесправная беглянка, не пыль под сапогами чужеземцев. Она – Голос.

– Не смотри назад, дочка, – хриплый шепот Марии едва перекрывал шум воды.

Наставница лежала на дне лодки, укрытая ветхим плащом. Лицо старой женщины в лунном свете казалось вылепленным из серого воска, дыхание вырывалось со свистом. Она отдала последние силы, всё своё спрятанное золото, чтобы выкупить жизнь своих воспитанниц у перевозчика.

– Кто оглянется, окаменеет от горя, – обавила Мария, и в её голосе звенели слёзы.

Но Ариб не послушалась. Неведомая сила заставила её повернуть голову.

Великий Багдад. Город Мира. Центр притяжения. Он горел.

Огонь исполнял свой дикий танец на куполах дворцов, пожирая золото и лазурь, которыми так гордились халифы. Дым густым саваном застилал звёзды, словно Всевышний в гнев прикрыв глаза, чтобы не видеть безумства своих детей. Там, в этом багровом мареве, осталась её беззаботная юность. Там сгорели детские игры, звонкий смех и наивные надежды на счастье.

Лодка мягко ткнулась носом в илистый берег предместья Карх. Здесь было тише, но это была тишина заброшенного кладбища, а не спящего города.

– Вылезайте! – буркнул лодочник, жадно оглядывая их скудные узелки с пожитками. – Дальше сами. И молитесь, чтобы патрули Мамуна вас не нашли. Девочки такие свежие... Хорасанцы давно не видели женщин, а нрав у них крутой.

Ариб первой ступила на зыбкую почву, подставляя плечо Марии. Земля под ногами была холодной, чужой и скользкой.

– Куда нам идти? – тонкий голосок маленькой Зулейхи дрожал. Девочка лет десяти прижимала к груди чумазую тряпичную куклу – единственное сокровище, что удалось спасти.

Мария тяжело опиралась на плечо своей любимицы. Мутный взгляд наставницы блуждал по тёмным переулкам, где тени казались живыми и опасными.

– В старый *хан* у дороги на Басру. Там есть заброшенные склады... подвалы, – еле слышно сказала она, теряя силы. – Там нас не найдут.

Дни потянулись, липкие и серые, как старая паутина.

Война закончилась. Голова халифа аль-Амина, как шептались на базарах, уже была отправлена его брату-победителю Мамуну на серебряном блюде. Новое солнце взошло над империей, но его лучи не грели простых людей.

Началась эпоха «мира», которая мало чем отличалась от войны: тот же голод, та же разруха, только теперь вместо свиста стрел слышался стук молотков и тихий плач вдов.

Они ютились в сыром полуподвале. Стены здесь плакали влагой, а воздух пах плесенью. Мария слегла окончательно. Лихорадка, вызванная сыростью и пережитым ужасом, сжигала её быстрее, чем огонь сухую ветку.

Еды не было. Те жалкие крохи, что удалось сберечь, давно перекочевали в карманы алчных торговцев в обмен на мешок прогорклой муки.

Ариб взяла на себя роль, к которой её не готовили, но к которой вела сама судьба. Она стала главной в этой маленькой семье отверженных. Ей было всего четырнадцать, но глаза... В них застыла спокойная, пугающая мудрость сорокалетней женщины, познавшей цену жизни.

Однажды вечером, когда мука закончилась совсем, а Зулейха тихо скулила в углу, свернувшись калачиком от рези в пустом животе, Ариб решительно встала.

Девушка отряхнула своё единственное, много раз заштопанное серое платье. Длинные пальцы привычно расчесали спутанные смоляные кудри. Она взяла уд и проверила строй.

– Ты куда? – слабо спросила Мария с лежанки, не открывая глаз.

– На охоту, – коротко бросила Ариб, перекидывая ремень инструмента через плечо.

– Не ходи... Там джунд... чужеземные воины... Они могут обидеть тебя... – голос наставницы сорвался на хрип. – Ты погубишь свою честь.

– У меня нет оружия, матушка. Но у меня есть это.

Ариб тронула струну. Звук, чистый, глубокий и вибрирующий, на мгновение разогнал затхлый, тяжёлый воздух подвала.

– Если они звери, я их укрошу, – твёрдо произнесла дочь Джафара. – А если люди, я их накормлю.

Она вышла в сумерки. Багдад, словно побитый пёс, зализывал раны. На улицах, кое-как расчищенных от завалов, уже жарили мясо. Воздух был напоен ароматами шафрана, жареной баранины и... конского навоза.

В кофейнях и тавернах, открывшихся прямо на руинах, праздновали победители. Воины из далекого Хорасана. Грубые, шумные, в пропыленных халатах, чувствовали себя хозяевами жизни.

Ариб шла, прижимая уд к груди, как щит. Взгляд её хищно искал место, где есть свет и звон дирхамов. Выбор пал на большой постоялый двор «Звезда Востока». Дверь была распахнута настежь, оттуда несло вином и громким хохотом.

Едва она приблизилась, путь ей преградил хозяин, тучный перс с маленькими, бегающими глазками.

– Пошла прочь, побирушка! – рявкнул он, уперев руки в бока. – Здесь отдыхают тысячники эмира Тахира! Им не нужны твои блохи!

– Я не прошу милостыню, – голос Ариб зазвенел, как натянутая тетива боевого лука. В нём было столько холодной стали, что перс невольно шагнул назад. – Я продаю то, чего не купишь за золото.

– И что же это? Твоё тощее тело? – загоготал трактирщик, сально ухмыляясь.

– Мой голос.

Перс хотел было вытолкнуть нахалку взашей, но из глубины зала раздался властный окрик:

– Эй, виночерпий! Почему так тихо? Мы пили за победу, а теперь хотим слышать музыку! Пусть наши сердца отдохнут от звона мечей!

Хозяин замялся. Музыкантов в городе почти не осталось. Кто сбежал, спасая шкуру, а кто уже спал вечным сном в водах Тигра.

– Пусть войдёт, – махнул он рукой, злобно зыркнув на Ариб. – Но если им не понравится, клянусь Аллахом, я отдам тебя им на потеху, а твой уд пущу на растопку печи.

Ариб перешагнула порог.

В зале стоял сизый дым от жаровен и кальянов. Десятки глаз, пьяных, уставших, хищных, уставились на неё. Она была тонкой, как тростинка на ветру, в своём выцветшем наряде, но держалась с достоинством наследной принцессы.

Она не пошла к специальному возвышению для артистов. Просто села на край потёртого ковра, прямо у входа, скрестила ноги и положила уд на колени.

Тишина в зале стала тяжёлой, липкой, выжидающей. Кто-то громко рыгнул, кто-то сплюнул на пол финиковую косточку.

Ариб прикрыла веки. Перед внутренним взором вспыхнул пожар. Она вспомнила искажённое лицо Масрура. Вспомнила мёртвую рыбку безумного халифа в разбитом фонтане. Вспомнила вкус страха и пепла на губах.

Её пальцы коснулись струн.

Это была не та сладкая, жеманная музыка, которой учили дворцовых наложниц для убаюкивания пресыщенных господ. Это был плач. Сначала тихий, как стон ветра в руинах. Потом громче, резче. Ритм сбивался, напоминая бешеный стук сердца беглеца.

И она запела.

Это была старинная бедуинская касыда о потерянном племени, но Ариб бесстрашно вплела в неё новые слова, рожденные её болью. Она пела о городе, который был цветущим садом, а стал братской могилой.

О любви, которая не спасает от острого клинка. О том, что победитель и побеждённый под конец ложатся в одну и ту же чёрную землю, и черви не разбирают чинов.

Где теперь те, кто пил из золотых кубков? Где красавицы, чьи лица сияли, подобно полной луне?

Ветер замечает следы их колесниц песком, И только эхо отвечает мне в пустых залах...

Ее голос, глубокий, бархатный, с лёгкой, сводящей с ума хрипотцой, заполнил всё пространство. Он проникал под кожу, заставляя вибрировать огрубевшие души суровых воинов.

Она пела, и те, кто ещё вчера рубил головы без тени жалости, опускали глаза в свои чаши с вином. Кто-то вспомнил оставленную в горах Хорасана старую мать. Кто-то друга, чьё тело осталось лежать у крепостных стен.

Музыка Ариб не развлекала. Она вскрывала душевные раны, чтобы очистить их от гноя. Она превращала пьяное торжество в высокую скорбь, возвращая им человеческий облик.

Когда последний аккорд растаял в воздухе, в зале повисла звенящая тишина. Никто не смеялся. Никто не жевал.

Затем один из военачальников, седобородый исполин со шрамом через всё лицо, медленно поднялся. Он подошёл к певице. Ариб внутренне сжалась, ожидая удара или грубости.

Но воин развязал пояс и бросил к её ногам тяжёлый кожаный кошель. Золото глухо звякнуло, ударившись о пол.

– Твой голос, девочка, острее моего меча, – произнёс он тихо. В его глазах стояла влага. – Он ранил меня прямо в сердце. Как тебя зовут?

– Ариб, – ответила она, не поднимая глаз.

– Ариб... – повторил он, словно пробуя имя на вкус. – Запомните это имя! Клянусь, мы ещё услышим его в дворцах халифов, куда нам, простым рубакам, вход заказан.

В тот вечер она принесла домой не только еду и лекарства для Марии. Она принесла нечто большее. Уверенность.

Девушка поняла главное: её талант – это власть. Власть над душами. И эта власть может быть сильнее любой армии мира.

Полгода пролетели, словно один день.

Багдад отстраивался с удивительной быстротой. Новый халиф аль-Мамун всё ещё правил из далекого Мерва, но его наместники наводили порядок железной рукой. Жизнь возвращалась в прежнее русло, но это русло стало другим – более жёстким, циничным и расчётливым.

Слава о «девочке с удом из пепелища» медленно, но верно ползла по городу, передаваемая из уст в уста. Сначала её приглашали богатые купцы на семейные праздники. Потом – чиновники *дивана*.

Ариб соглашалась на всё. Ей отчаянно нужны были дирхамы. Мария угасала, ей требовались дорогие снадобья и уход. Но ещё больше Ариб нужен был опыт. Каждое выступление становилось уроком.

Она училась читать публику, как открытую книгу. Знала, когда нужно спеть игривую песню, чтобы заставить толстого вельможу расплыться в улыбке, а когда пустить слезу, чтобы разжалобить скупого.

Ариб выросла. За этот год угловатость подростка сменилась гибкой грацией пантеры. Её кожа, несмотря на лишения, сияла тем внутренним светом, который отличает истинных красавиц.

Но сердце её покрылось коркой льда.

Ариб никого к себе не подпускала. Мужчины, пытавшиеся ухаживать за ней, натывались на взгляд, холодный и острый, как дамасский кинжал. Она продавала свой голос, искусство, эмоции. Но не себя.

Однажды в дверь их скромного жилища (теперь они могли позволить себе две комнаты в приличном доме квартала ремесленников) властно постучали.

На пороге стоял евнух. Не Масрур, тот был слишком велик для таких визитов. Явно кто-то из высокой дворцовой челяди: в шелках, с холеными руками и надменным лицом.

– Ты Ариб, дочь Джафара? – спросил он, брезгливо морща нос при виде простой обстановки.

– Я Ариб, певица, – жестко поправила она, вскинув подбородок. – Мой отец ушёл к предкам, а его имя предано забвению. Я сама по себе.

Хадим усмехнулся. Ему понравилась эта дерзость. В рабынях редко встретишь такую породу.

– Ибрагим ибн аль-Махди желает слышать тебя.

Ариб замерла, почувствовав, как холодок пробежал по спине.

Ибрагим ибн аль-Махди. Брат покойного Харуна ар-Рашида, дядя нынешнего халифа. Его называли «Чёрным принцем» за смуглую кожу и невероятную силу.

Знаменитый поэт, виртуозный музыкант, утончённый гурман и... возможный претендент на трон. Человек, чьё слово могло вознести до небес или уничтожить.

Это был шанс. Тот самый, которого она ждала в своих самых смелых снах. Шанс выбраться из грязи навсегда.

– Когда? – спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Сегодня вечером. Будь готова. И ради Аллаха, надень что-нибудь приличное. Мой господин не выносит уродства и бедности.

Ариб закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, пытаясь унять сердцебиение.

– Мария! – позвала она шёпотом. – Мария, ты слышала?

Но наставница не ответила. Старуха спала или была в забытии. Ариб подошла к ней, поправила одеяло. Рука женщины была сухой и горячее, как камень в полдень.

– Потерпи, матушка, – прошептала девушка, целуя морщинистую ладонь. – Скоро у нас будет лучший дом в Багдаде. Скоро ты будешь спать на китайском шёлке. Я обещаю.

Вечером она переступила порог дворца Ибрагима.

Это был другой мир. Здесь не пахло гарью и потом. Воздух был напоен ароматом сандала, мускуса и розовой воды. Мраморные полы были отполированы так, что в них можно было смотреться, как в зеркало.

В главном зале, освещённом сотнями восковых свечей в серебряных канделябрах, собрался цвет Багдада. Люди, которые вершили судьбы империи: поэты, чьи стихи переписывали в книги, суровые богословы, прославленные генералы.

А во главе, на горе подушек, возлежал сам Ибрагим. Огромный, смуглый, похожий на отдыхающего льва.

Ариб вышла на середину зала.

На ней было простое белое платье, лучшее, что она смогла купить на базаре, рядом с парчой гостей оно казалось рубищем. Никаких украшений. Ни золота, ни драгоценных камней. Только волосы, черным блестящим водопадом падающие на плечи, и огромные глаза, в которых светился ум.

– Говорят, ты умеешь заставлять камни плакать, – пророкотал Ибрагим. Его голос был глубоким, музыкальным, привыкшим повелевать. Он сам считался великим певцом и соперников не жаловал. – Ну что ж, удиви меня, дочь Джафара. Но помни: посредственности я не прощаю. Моё время стоит дорого.

Ариб низко поклонилась, приветствуя принца по всем правилам этикета. Села. Привычным движением проверила мизраба (плектр).

Она знала, что сейчас нельзя петь о войне. Эти люди хотели забыть ужасы осады. Нельзя петь о простых страданиях. У них было всё, и чужая боль их лишь раздражала. Нужно было коснуться чего-то высшего. Чего-то, что стоит над хлебом и кровью. О Вечной Красоте.

Она выбрала самый сложный *макам*, требующий виртуозного владения инструментом. Мелодию, полную капризных полутонов, переливов и изысканных музыкальных орнаментов.

Пальцы запорхали по струнам. Сначала осторожно, словно пробуя воду, затем всё быстрее и увереннее. Девушка и уд слились в единое целое. Она не просто играла – она вела интимную беседу с каждым, кто был в зале.

А потом вступил её голос.

Он взлетел к высоким сводам, чистый, мощный, безупречно управляемый. Ариб играла с мелодией, как кошка с мышкой: то отпуская её на волю, то натягивая нерв до предела, заставляя слушателей задерживать дыхание. Это было мастерство, граничащее с магией.

Она показала им не просто песню. Она предъявила свои права. В каждой ноте, в каждой мелизме звучало: *«Я не рабыня. Я дочь визиря. Я ровня вам по духу и таланту»*.

Ибрагим ибн аль-Махди слушал, прикрыв глаза. Он, тончайший знаток музыки, ловил каждый звук, ожидая ошибки, неточности, фальши. Ошибок не было.

Было лишь пугающее совершенство. И страсть. Та самая дикая, необузданная страсть, которой так не хватало сытым и ленивым придворным певицам.

Когда Ариб закончила, в зале никто не захопал. Аплодисменты считались бы оскорблением священного момента. Тишина стояла такая, что было слышно, как трещит фитиль свечи.

Ибрагим открыл глаза. В них больше не было скуки. В них горел огонь восхищения, смешанный с уважением.

– Подойди, – приказал он.

Ариб приблизилась и склонилась в поклоне. Принц протянул руку, взял её за подбородок и поднял лицо девушки к свету. Он долго, изучающе всматривался в её черты.

– Ты не просто певица, – произнёс он тихо, так, чтобы слышала только она. – Ты чёрный бриллиант, упавший в дорожную пыль. Я подниму тебя, Ариб. Я дам тебе оправу, которой ты достойна. Но запомни: высота кружит голову, а падать с неё смертельно больно. Готова ли ты платить цену за величие?

– Я уже заплатила, мой господин, – твёрдо ответила Ариб, глядя прямо в глаза принцу. В её взгляде не было страха. – Я прошла через ад, чтобы стоять здесь перед вами.

Ибрагим рассмеялся. Громогласно, раскатисто, так, что задрожали огоньки свечей.

– Клянусь Аллахом, в этом хрупком теле больше огня, чем во всём моем гареме! Ты остаешься. Твое место здесь, рядом со мной.

В ту ночь Ариб не вернулась в жалкую комнатку в квартале ремесленников. Она послала слуг с паланкином за Марией, велев перевезти её в лекарский флигель дворца и окружить лучшей заботой.

Позже, лежа на прохладных шёлковых простынях в своих новых покоях, Ариб смотрела на полную луну в окне. Осаждённый город, голод, холодные подвалы – всё это начало стремительно превращаться в воспоминание.

Та наивная девочка, спасавшая «деревяшку» в дырявой лодке, умерла этой ночью. Родилась Ариб аль-Мамунийя. Легенда.

Она протянула руку и коснулась струн уда, лежащего рядом на бархатной подушке. Инструмент отозвался тихим, преданным звоном.

– Мы победили, – сказала она в темноту, и на губах её заиграла хищная улыбка. – Мы выжили. А теперь... теперь мы заставим этот мир танцевать под нашу музыку.

Но она еще не знала, что стены дворца хранят тайны куда более опасные, чем ночные улицы Багдада, и золотая клетка иногда бывает теснее тюремной камеры..

Глава 8. Вход победителя

Багдад, Город Мира, проснулся в то утро не от привычного пения муэдзинов и не от криков торговцев водой. Он проснулся от дрожи.

Но то была не дрожь страха, сковывавшая жителей долгие месяцы братоубийственной осады, и не гнев земных недр.

Это была поступь Империи.

Тысячи копыт, твёрдых, как сам базальт, ударили в иссушённую зноем землю, выбивая единый, пугающий ритм.

Глухой, рокошующий гул катился от самого горизонта, заставляя вибрировать глиняные стены домов и замирать женские сердца.

Халиф аль-Мамун возвращался.

Спустя годы изгнания, после жизни в далёком Мерве, сын персидской невольницы въезжал в столицу Халифата как абсолютный владыка, чья власть простиралась от Индии до Атлантики.

Ариб стояла на резном балконе дворца принца Ибрагима ибн аль-Махди. С этой высоты огромный город казался растревоженным муравейником, охваченным священным безумием.

Улицы, ещё вчера носившие уродливые шрамы войны, следы пожаров и проломы от каменётных машин, сегодня преобразились.

Путь победителя устилали пальмовыми ветвями, благоухающим миртом и драгоценными коврами, вытканными мастерицами Бухары.

Ещё вчера народ проклинал "хорасанских чужаков". А сегодня эти же люди заполнили все крыши, чтобы приветствовать нового Повелителя.

«Такова природа толпы, – с горечью подумала Ариб, сжимая прохладные перила так, что побелели костяшки пальцев. – Эта масса, как женщина лёгкого нрава, любит лишь силу и победителей. А побеждённых... забывает ещё до заката солнца».

– Смотри, Ариб, – раздался за её спиной низкий, бархатный голос Ибрагима.

Его тяжёлая рука, униженная перстнями, легла на перила рядом с её рукой.

– Вот едет тот, кто отнял жизнь у моего брата Амина. Человек, забравший трон у твоих мучителей.

Девушка не обернулась. Её взгляд был прикован к золотому облаку пыли, приближающемуся к воротам.

– Он тоже разве не мой мучитель, господин? – тихо, едва слышно спросила она. – Он тоже разве не мой мучитель, господин? – тихо, едва слышно спросила она. – Ведь именно его метательные машины превратили в руины мой дом. – превратили в руины мой дом.

Ибрагим усмехнулся в свою густую, напомаженную благовониями бороду.

– Власть, моя дорогая, не бывает доброй или злой. Она бывает только слабой или сильной. Аль-Мамун силен. И, к сожалению для многих, дьявольски умен. Говорят, в его обозе едут не только мечи и сундуки с дирхемами, но и книги. Целые караваны свитков из Персии, Индии и Византии. Он грезит о том, чтобы построить здесь «Дом Мудрости».

Ариб прищурилась, вглядываясь вдаль, туда, где на солнце уже вспыхивали чёрные знамёна Аббасидов – цвета траура и возмездия.

«Книги... – пронеслось в её голове. – Станный завоеватель. Мой отец тоже любил шелест страниц больше звона монет. Может быть, в этом новом, пугающем мире мне найдётся место не только как усладе для глаз и слуха, но и как... кому-то большему?»

Внизу, у главных ворот, торжественная процессия замедлила ход.

Аль-Мамун восседал на белоснежном жеребце чистейшей арабской крови. Сбруя коня, украшенная бирюзой и золотом, стоила, пожалуй, дороже, чем жизнь целого квартала бедняков.

Новому Халифу перевалило за тридцать. Годы тревог и войны высушили его лицо, сделали черты резкими, словно высеченными умелым скульптором из твёрдого кремня.

В его тёмной бороде серебрилась первая седина, а в глазах... В глазах жила такая глубокая, вековая усталость, что люди в толпе невольно опускали взоры, боясь встретиться с этой бездной.

По правую руку от него ехал великий визирь Фадл ибн Сахль. Облачённый в пышные персидские одежды из парчи, он сиял торжеством. Он смотрел на Багдад не как гость, а как хозяин, осматривающий свои новые владения.

– Улыбнись, о Повелитель Правоверных! – склонившись к седлу Мамуна, вкрадчиво шепнул визирь. – Этот город теперь твой. Смотри, как они любят тебя! Слышишь этот рёв?

Мамун лишь скривил тонкие губы в горькой усмешке.

– Они кричали так же и моему брату Амину, когда он щедро разбрасывал золото с стен дворца. Они будут кричать так же и моему убийце, если он придёт завтра. Это не любовь, Фадл. Это страх, смешанный с надеждой на подачку.

Халиф тронул коня пятками и въехал под гулкие своды городских ворот. Тень от каменной арки на мгновение скрыла его лицо, словно предвещая грядущие испытания.

Он вспомнил, как уезжал отсюда совсем юным мальчишкой, полным обиды на отца, великого Харуна ар-Рашида. Тогда эти стены казались ему тюрьмой. Теперь, после всего случившегося, они казались ему семейным склепом.

Где-то здесь, совсем рядом, над мостом через Тигр, ещё неделю назад была выставлена на всеобщее обозрение голова его брата.

Мамун приказал убрать этот страшный трофей и похоронить брата с почестями ещё до своего въезда, но тяжёлый, липкая тень братоубийства всё ещё витал в раскалённом воздухе, отравляя вкус победы.

Процессия медленно двигалась к Зелёному Куполу – сердцу халифата. Вдоль дороги, сверкая кольчугами, стояли суровые хорасанские гулямы, сдерживая напор ликующей толпы.

Женщины, забыв о приличиях, срывали с себя украшения и бросали под копыта коней цветы жасмина и лепестки роз. Сладостный аромат цветов смешивался с терпким запахом конского пота, пыли и разогретого камня.

Внезапно Мамун натянул поводья. Жеребец всхрапнул и остановился. Взгляд Халифа зацепился за почерневшие руины у дороги. Среди праздничного убранства, ярких ковров и флажков, этот чёрный, обгоревший остов выглядел как гнилой зуб в улыбке красавицы.

– Что это? – спросил он, указывая на пепелище плетью.

Фадл брезгливо поморщился, прикрыв нос надушенным платком.

– Печальные последствия осады, мой господин. Мы не успели расчистить всё... Город велик, а времени было мало.

– Я не спрашиваю, почему не убрали. Я спрашиваю, что здесь было раньше?

– Кажется, какой-то дом терпимости... или школа певиц, – небрежно бросил визирь, желая скорее продолжить путь к прохладе дворца. – Мелкая потеря, не стоящая твоего внимания.

Мамун смотрел на обугленные балки, торчащие в небо, как молящие руки. Ему показалось, что сквозь шум толпы он слышит тихий плач музыки. Или это пел ветер в пустых оконных проёмах?

– «Мелкая потеря»... – повторил он тихо, но так, что визирь вздрогнул. – Из миллионов таких «мелких потерь» отлита моя корона, Фадл. Запомни это. И прикажи восстановить этот дом. Первым.

– Но, Повелитель... – опешил ибн Сахль. – Дворец Халифа тоже пострадал! Купол требует ремонта, стены...

– Я сказал первым! – голос Мамуна хлестнул, словно удар бича, заставив свиту замереть. – Если мы пришли сюда только для того, чтобы пировать на руинах, то чем мы лучше диких тюрков, пришедших из-за Джейхуна? Мы принесли сюда Разум, визирь. А Разум начинается там, где учат и создают, а не там, где набивают утробу.

Он ударил коня и поехал дальше, оставив визиря в растерянности глотать пыль. Халиф не знал, не мог знать, что именно из этого дома, из этого пепелища, вышла та, кто станет его судьбой, его наваждением и его единственной слабостью.

Но сердце, ожесточённое годами битв, вдруг предательски дрогнуло. Интуиция, спасавшая его от яда и кинжала, шептала: «Здесь начинается что-то важное. Важнее трона».

Вечером во дворце Ибрагима ибн аль-Махди давали грандиозный пир в честь прибытия Халифа.

Это был пир перемирия, тонкая политическая игра. Ибрагим, родной дядя Мамуна, был не просто вельможей, он сам был претендентом на власть. Он знал: чтобы выжить при новом режиме, нужно показать лояльность, но не раболепство. Нужно показать класс, вкус и величие, с которым приходится считаться.

Зал приёмов был залит мягким светом тысяч восковых свечей, отражавшихся в мраморном полу. Лучшие вина Шираза лились в хрустальные кубки рекой. Столы ломились от фазанов, фаршированных трюфелями, гор диковинных фруктов и сладостей, привезённых из Дамаска.

В центре зала, на бархатном возвышении, восседал Мамун.

Он снял тяжёлые доспехи, облачившись в простой белый халат без единого украшения – знак аскетизма и траура. Но напряжения он не снял. Он почти не ел, лишь изредка пригублял воду из серебряной чаши.

Его цепкий, внимательный взгляд скользил по лицам придворных, ища в улыбках, фальшь, а в поклонах, скрытый кинжал.

Ибрагим, сияющий, как полная луна, хлопнул в ладоши, призывая к тишине.

– О, Повелитель Правоверных! – провозгласил он, вставая с кубком в руке. – Мы приветствуем тебя не как грозного завоевателя, а как солнце, вернувшееся после долгой, холодной ночи. В твою честь я приготовил подарок, достойный твоего утончённого вкуса. Не золото, не скакуны, не бездушные камни. Я дарю тебе Голос.

Он сделал властный знак рукой.

Тяжёлые парчовые занавеси раздвинулись, и в зал, словно видение, вышла Ариб.

За эти месяцы жизни в роскошном дворце она изменилась до неузнаваемости. Исчезла угловатость голодной беженки, кожа приобрела цвет персика и молока. Теперь это была молодая женщина, осознающая свою губительную красоту.

Она была одета в платье из темно-синего шёлка, цвета багдадской ночи, расшитое серебряными звёздами. В её иссиня-чёрных волосах, убранных в сложную высокую причёску, мерцали жемчужины Бахрейна. Но главным украшением был её взгляд.

Взгляд не рабыни. Взгляд царицы, которая лишь временно, по капризу судьбы, согласилась взять в руки музыкальный инструмент.

Ариб прошла к центру зала и остановилась перед возвышением. Она не пала ниц, не поцеловала ковёр у ног Халифа, как того требовал строгий этикет. Она лишь склонила голову в лёгком, почтительном, но полном достоинства кивке.

По залу пронёсся испуганный шепот.

«Дерзость! Неслыханно! Рабыня не падает ниц перед Тенью Аллаха на Земле!»

Фадл ибн Сахль насторожился. Его рука легла на эфес кинжала, он уже открыл рот, чтобы приказать страже схватить нахалку. Но Мамун поднял руку, останавливая любое движение.

Ему до тошноты надоели рабы, ползающие на брюхе. Ему опротивела сладкая лесть придворных поэтов. Этот гордый наклон головы, эта прямая спина показались ему глотком свежего горного воздуха в душной комнате.

– Пой, – сказал он просто. И в этом слове было больше интереса, чем в тысяче приветственных речей.

Ариб грациозно опустилась на ковёр. Она взяла в руки уд – тот самый, спасённый из огня, теперь отполированный до зеркального блеска и украшенный новой инкрустацией из перламутра.

Она знала, кто сидит перед ней.

Человек, чьи катапульты сожгли её школу. Сын того, чьи солдаты убили её отца много лет назад. В её жилах, в её крови, смешанной с кровью древних визирей, кипела ненависть.

Но мудрая наставница Мария учила её: «Гнев – это огонь. Он может сжечь тебя, а может выковать клинок. Преврати ненависть в искусство, дитя мое».

Ариб не стала петь хвалебную касыду победителю. Это было бы пошло, это было бы предательством самой себя.

Она ударила по струнам. Звук был глубоким, тревожным, словно стон земли.

Ариб запела старинную песню о страннике, который после долгих странствий возвращается в отчий дом и находит там лишь ветер, гуляющий в руинах, и горькие воспоминания.

«Я спросил у руин: где те, кто любил меня?

Камни молчали, лишь песок шуршал у ног, укрывая следы бывшего...

Победа сладка, как мёд, но на дне чаши – полынь,

Ибо нет одиночества горше, чем на троне царей, среди шумного пира...»

Ее голос, низкий, грудной, вибрирующий страстью, обволакивал зал, проникал под кожу, касался самых потаённых струн души каждого присутствующего. Это была не просто песня. Это был откровенный разговор души с душой.

Она пела о том, что чувствовал сейчас сам Мамун, хотя никто, даже он сам, не смел признаться в этом. Она пела о его боли потери. О его неискусимой вине перед братом. О его леденящем страхе быть непонятым теми, кем он призван править.

Мамун замер, словно поражённый молнией. Серебряный кубок в его руке дрогнул, капля вина упала на белый халат, как капля крови.

«Откуда? – билась мысль в его висках. – Откуда эта девчонка знает? Как она видит меня насквозь, словно читает открытую книгу?»

Он смотрел на неё, не отрываясь, забыв о еде, о дяде, о визире. Смотрел на её тонкие, нервные пальцы, бегающие по грифу уда. На её прикрытые глаза, окаймлённые густыми ресницами, на трепещущую жилку на её нежной шее.

Он вдруг вспомнил ту одинокую ночь в далёком Мерве, когда он стоял у окна, глядя на звёзды, и молил Аллаха послать ему хоть одну родственную душу в этом холодном мире власти.

Неужели Всевышний ответил? Неужели это она? Рабыня? Певица? Дочь поверженного врага?

Когда последний аккорд растаял в воздухе, тишина в зале стала абсолютной, звенящей. Даже захмелевшие эмиры боялись дышать, чувствуя, что происходит нечто великое.

Мамун медленно встал. Он спустился с возвышения, ступая по коврам так, словно шёл по облакам. Нарушая все неписанные законы протокола, Халиф подошёл к рабыне.

Ариб подняла глаза.

Впервые их взгляды скрестились.

В его глазах она не увидела тирана-убийцу. Она увидела бесконечно уставшего мужчину, несущего на плечах тяжесть мира и ищущего хотя бы миг покоя.

В её глазах он увидел бездну, глубокую и манящую, в которой хотелось утонуть и забыть обо всём.

– Кто научил тебя этой песне? – спросил он тихо, и голос его слегка охрип.

– Жизнь, мой господин, – ответила Ариб, не отводя взгляда. – Жизнь и пепел Багдада. Мамун медленно кивнул.

– Ты спела то, о чём я молчал. То, о чём кричит моя душа по ночам. Это опасно, девочка. Видящий правду слишком ясно часто рискует потерять голову.

– Я уже теряла всё, Повелитель: дом, семью, свободу, – спокойно ответила она. – Мне нечего бояться, кроме скуки и фальши.

Мамун улыбнулся. Впервые за многие месяцы, а может, и годы, эта улыбка коснулась не только его губ, но и глаз, осветив лицо внутренним светом.

– Ибрагим, – он повернулся к дяде, но продолжал смотреть на Ариб, словно боясь, что она исчезнет. – Твой подарок... он великолепен. Но ты ошибся в одном. Бриллиант такой чистоты не должен лежать в шкатулке вельможи, пусть даже и королевской крови. Он должен сиять в короне Владыки.

Лицо Ибрагима вытянулось.

– Что ты подразумеваешь, племянник? – насторожился он, чувствуя, как ускользает из рук драгоценность.

– Она едет со мной. Во дворец Халифа. Сейчас же.

– Но, Повелитель... уже поздно, да и приготовления... – начал было Ибрагим, пытаясь спасти положение.

– Я не прошу, дядя. Я объявляю свою волю, – стала в голосе Мамуна пресекла любые возражения.

Он снова посмотрел на девушку сверху вниз.

– Ты боишься меня, Ариб?

– Нет, – твёрдо сказала она, и в её голосе звенела истина. – Я боюсь только того, что моя песня останется не услышанной.

– Я буду слушать тебя, – пообещал Халиф, и это прозвучало как клятва. – Я буду слушать тебя, даже когда весь мир будет кричать и требовать крови.

И тогда он сделал то, что потрясло двор больше, чем взятие Багдада. Он протянул ей руку, чтобы помочь встать. Рука Владыки Полумира, поданная бывшей невольнице!

Ариб на секунду замерла, а затем вложила свою ладонь в его. Его ладонь была горячее, жёсткой от рукояти меча, мозолистой. Её пальцы были тверды от струн.

Две силы встретились. Искра пробежала между ними, невидимая, но осязаемая, как удар молнии.

В ту ночь Ариб покинула роскошный дом Ибрагима. Она въезжала в Золотой Дворец не как военный трофей, и не как очередная наложница для утех. Она въезжала как Тайна, которую Халифу ещё только предстояло разгадать.

Сидя в паланкине, она смотрела через резное оконце на яркие звёзды, рассыпанные над спящим Багдадом, и думала: *«Я вернулась. Я в самом сердце врага, в логове льва. Но почему моё сердце бьётся так радостно, так трепетно, будто после долгих скитаний я наконец-то нашла свой настоящий дом?»*

Багдад спал, утомлённый праздником и надеждами.

А история великой страсти, которая станет легендой, переживёт века и империи, только начинала писать свою первую, самую главную страницу.

Но знала ли Ариб, что путь к сердцу Халифа лежит не только через песни, но и через яд дворцовых интриг, который уже начинали смешивать её завистницы?

Глава 9. Первая ночь в золотых покоях

Золотые Ворота Дар-аль-Хилафа сомкнулись за спиной Ариб с тяжёлым, утробным стоном, который эхом отозвался в самом её сердце.

Этот звук отсёк всё: шумный рынок рабов, пыль дорог, крики водоносов и призрачную свободу нищеты. Теперь мир сузился до размеров паланкина, обитого изнутри прохладным атласом.

Носильщики-нубийцы шли идеально ровно, их мощные плечи работали как детали сложенного механизма. Ариб прильнула к резному оконцу, затянутому полупрозрачным шёлком.

Сквозь него Багдад казался туманным сновидением. Она видела, как менялись декорации: вместо кирпичных лачуг потянулись бесконечные анфилады дворцовых садов, где за высокими стенами прятались диковинные птицы и редкие цветы.

Здесь пахло иначе. Не жареным мясом и сточными канавами, а свежескошенной травой, мокрым речным песком и тонким ароматом жасмина, который окутывал всё пространство.

Тишина внутри священного круга власти была почти осязаемой. Она давила на уши, прерываемая лишь равномерным хрустом гравия под ногами стражи и далёким, монотонным звоном фонтанов.

– Ты дома, Ариб, – шептала она себе, сжимая в руках край платья. – Просто дом теперь стал золотой клеткой. Помни, чья ты дочь. Твоя кровь благороднее этих стен.

Паланкин опустился на землю с едва слышным звуком. Тень занавеси дрогнула, и в проёме возникла рука – сухая, тёмная, с массивным перстнем, изображающим печать халифа. Ариб подняла взгляд.

Перед ней возвышался Масрур. Легендарный «Великий Палач» времён Харуна ар-Рашида. Он казался древним, как сами пески пустыни. Серебро в его бороде уже не просто проглядывало – оно полностью поглотило черноту волос, а глубокие борозды на лице напоминали русла высохших рек.

Его взгляд был лишён эмоций, это был взгляд человека, видевшего слишком много крови, чтобы удивляться жизни.

Но когда он посмотрел на Ариб, в его глазах что-то шевельнулось. Узнавание.

– Ты выжила, пылинки под ногами Господа, – прохрипел он.

Голос походил на скрежет точильного камня о клинок.

– Говорили, ты сгинула в пепле пожаров, когда Бармакидов низвергли в бездну. А ты вернулась.

Ариб вышла из носилок, гордо вскинув подбородок. Она медленно расправила складки своего платья, расшитого серебряными нитями, и заставила себя смотреть прямо в эти безжизненные глаза.

– Пыль имеет свойство подниматься выше минаретов, Масрур, когда её подхватывает ветер справедливости, – ответила она, и голос её не дрогнул.

На лице евнуха проступило подобие гримасы...

– Ветер. плохой союзник. Сегодня он наполняет паруса, а завтра бросает корабль на рифы. Не забывай, где ты. Халиф приказал подготовить тебя. Но предупреждаю: он ждёт не тепла твоего тела, а остроты твоего языка. Ты приглашена как гостя для беседы. Редкая честь, за которую многие в этом гареме отдали бы правую руку. Иди же. И прикуси этот самый язык, если хочешь увидеть завтрашний рассвет. Стены Дар-аль-Хилафа жадны до чужих тайн.

Путь к купальням лежал через лабиринты коридоров, где пол был выложен яшмой и малахитом. Ариб чувствовала на себе взгляды. Невидимые глаза следили за каждым её движением из-за тяжёлых гобеленов и резных решёток «мушараби».

Внутреннее убранство хаммама поражало воображение. Это был подводный замок, высеченный из голубого мрамора и лазурита. Под высоким куполом клубился густой, тёплый пар, пахнувший розовой водой и амброй.

Служанки, молчаливые тени в полупрозрачных одеждах, окружили её. Они действовали пугающе слаженно: сняли одежду, омыли тело тёплым молоком, смешанным с настоями трав, и принялись растирать кожу маслами.

Но Ариб не чувствовала расслабления. Краем глаза она видела других обитательниц гарема. Женщины стояли группами в отдалении, кутаясь в тончайшие шелка. В их взглядах была не просто зависть. Там был холодный, расчётливый страх.

– Это та самая певица? – долетел до неё чей-то змеиный шёпот.

– Говорят, Халиф услышал её в саду и потерял покой. Обычная рабыня с рынка, возмнившая себя госпожой.

– Пусть радуется. Буран, законная жена Мамуна, не любит конкуренции. Посмотрим, долго ли её голос будет звучать под этими сводами. Она слишком костлява, Халифу нравятся формы побогаче...

Ариб закрыла глаза, стараясь не слышать этот яд. Всплылось наставление её наставницы Марии: «Дочь моя, когда летишь выше всех, всегда дует встречный ветер. Если закроешь глаза от страха, разобьёшься. Смотри опасности в лицо».

Когда омовение закончилось, Ариб одели. Это не было нарядом наложницы. Ей принесли закрытое платье из тяжёлой белой парчи, расшитое тысячами мелких жемчужин.

Оно было целомудренным и величественным одновременно. Волосы уложили в сложную причёску, закрепив её золотыми шпильками в форме стрел.

Личные покои Халифа встретили её не блеском золота, а тишиной и запахом знаний. Это была огромная собране книг, где полки уходили в полумрак купола.

Сотни свитков, книги в кожаных переплётках с тиснением, астролябии, навигационные карты, разложенные прямо на полу.

Здесь пахло чернилами, старым пергаментом и воском – родной запах, запах детства, из времён, когда её отец ещё был в силе.

Аль-Мамун сидел за столом из чёрного дерева, на котором стояла доска для игры в шатрандж (шахматы). Он был в домашнем халате, простом, но сшитом из такой дорогой шерсти, что переливалась в свете свечей.

Халиф выглядел усталым: тени под глазами выдавали человека, на чьих плечах лежит груз огромной империи.

Услышав шаги, он поднял голову. В его взгляде не было похоти. Там был голод, но иного рода —интеллектуальный голод.

– Входи, Ариб, – голос его был глубоким и чуть хриплым. – Садись. Ты знаешь правила шатранджа? Или женщины в твоём мире предпочитают только карты и сплетни?

Ариб склонилась в глубоком поклоне и грациозно опустилась на подушку рядом с Халифом. Мой отец говорил, Повелитель, что шатрандж, это жизнь, где правила честны. Только на доске можно вернуть ферзя, если ты действительно мудр. В жизни же, павшие уходят навсегда.

Мамун замер, его пальцы на мгновение сжали фигуру из слоновой кости.

– Твой отец... Джафар ал-Бармаки? Он был величайшим игроком своего времени. И я глубоко сожалею, что партия с ним была доиграна так жестоко. Давай начнём.

Он расставил фигуры. Ариб заметила, что его руки слегка подрагивали – не от слабости, а от напряжения, которое этот человек носил в себе годами.

– Твой ход, белыми, – сказал он. – Для нашего рода Аббасидов это цвет чистоты, но и цвет скорби. Выбирай, какой смысл вложишь в этот ход.

Игра началась. Это была не просто партия. Это был разговор.

– О чём шепчутся на улицах Багдада, Ариб? – Мамун сделал резкий выпад конём. – Называют ли они меня великим реформатором? Или тираном, пролившим кровь собственного брата Амина?

Ариб передвинула пешку, не поднимая глаз.

– Они называют тебя Сильным, Повелитель. Победителей не судят. Но сила без мудрости – лишь пустой звук. Люди голодны. И я не про хлеб. Они хотят знать, зачем живут.

Халиф усмехнулся, забирая её ладью.

– Хлеб я им дам. Но я хочу дать им нечто большее. Ты слышала о «Байт аль-Хикма» (Доме Мудрости)? Я хочу собрать здесь все знания мира. Греческие трактаты, индийские вычисления, персидскую медицину. Желая видеть, чтобы Багдад стал маяком в океане невежества. Веришь ли ты, что это возможно в мире, где люди предпочитают меч книге?

– Я верю, что истина единственный свет, который не отбрасывает тени, – ответила Ариб и плавно передвинула фигуру. – Шах и мат, Повелитель.

Мамун замер. Его король оказался зажат между её ферзем и слоном. Он так увлёкся разговором, что просмотрел ловушку.

В комнате повисла тишина, такая густая, что слышно было, как тает воск.

Ариб почувствовала, как по спине пробежал холодок. Обыграть правителя правоверных? В его первый же вечер? Это могло стать концом её недолгой карьеры.

Она подняла глаза, готовая встретить гнев. Но Халиф... рассмеялся. Громко, искренне, сбросив маску усталости.

– Клянусь Аллахом! – воскликнул он, хлопнув ладонью по столу так, что фигуры подпрыгнули. – Ты первая за десять лет, кто не поддался мне из страха! Мои визири льстят мне, мои генералы дрожат, а ты... Ты просто загнала меня в угол и даже не попросила пощады.

Он подался вперёд, и его горячие пальцы коснулись её руки.

– Я искал наложницу, Ариб. Красивое дополнение к интерьеру. А нашёл собеседника, чей ум острее дамасской стали. Ты опасна. Твой голос крадёт души, а твой мозг – покой.

– Разве Халифу нужна кукла без души? – выдохнула тихо, не убирая руки.

– Многим моим подданным, да. Но я проклят любовью к разуму. Мне невыносимо скучно с теми, кто только соглашается.

Он поднёс её руку к губам. Ариб почувствовала жёсткость его бороды и тепло дыхания.

– Твои пальцы в мозолях от струн уда, – заметил он. – Для меня они нежнее самого дорогого шёлка. Потому что они создают музыку, которая способна усыпить моих демонов.

В ту ночь между ними не было телесной близости. Они проговорили до самого рассвета. Об Аристотеле и его логике, о движении небесных светил, о том, как перестроить разрушенные районы Багдада.

Ариб тихо пела ему древние баллады, и Халиф впервые за долгое время уснул, положив голову ей на колени. Его сон был спокойным, лишённым видений крови и предательства.

Утром её проводили в новые покои – роскошный павильон «Тигра», чьи окна выходили на реку. Слуги кланялись ей так низко, словно она уже была царицей.

Весть о том, что певица провела ночь с Халифом в беседе, разлетелась по дворцу быстрее пожара. Это возвысило её над всем гаремом, но Ариб понимала: теперь её спина стала идеальной мишенью.

Утомлённая, но с чувством тихой победы, она вошла в спальню. Повсюду стояли вазы с благовониями, на кровати лежал тончайший шёлк цвета слоновой кости. Она подошла к ложу, чтобы скорее лечь и уснуть.

И застыла.

Прямо в центре белоснежной подушки лежало крошечное тельце. Мёртвый соловей. Его горло было перерезано одним тонким, хирургически точным разрезом. Кровь уже успела

засохнуть, превратившись в тёмное пятно на шёлке. В клюв птицы была вложена записка, свернутая в плотную трубочку.

Руки Ариб задрожали, когда она разворачивала бумагу. Там не было слов. Только искусный рисунок: сломанный уд и одна крупная капля крови.

Холод мгновенно сковал её внутренности. Победа обернулась смертельной угрозой. Она чувствовала, как из стен павильона на неё смотрит чья-то ненависть. Тысяча глаз следила за её триумфом, и теперь эти глаза требовали её падения.

Это было послание от тех, кто не желал делить Халифа с «уличной девкой». «Пой, пока можешь, соловей. Но помни: в золотых клетках горло перерезают без предупреждения».

Ариб медленно взяла мертвую птицу. Её лицо стало каменным. Страх отступил, уступая место ледяной ярости. Она подошла к окну, распахнула его и выбросила тельце в мутные воды Тигра.

– Вы хотите войны? – тихо проговорила в пустоту, обращаясь к невидимым соперницам и завистливым евнухам. – Пусть будет война. Но я не соловей. Я – ястреб.

В её глазах зажегся тот самый огонь, который помог ей выжить в день казни её семьи. Она села за стол, взяла перо и чистый лист бумаги. Она напишет новую песню. Песню, которая станет её щитом и её клинком.

Багдад просыпался под лучами палящего солнца. И вместе с ним просыпались тени Золотого Дворца, готовые к большой охоте.

Глава 10. Гнездо сплетённых гадюк

Утро в Багдадском дворце распускалось обманчиво нежным лотосом. Сквозь ажурные решётки окон просачивался жемчужный свет, окрашивая мозаичный пол в розовые и золотистые тона.

В садах заливались соловьи, живые, ещё не знавшие лезвия, а мерное журчание воды в каналах из белого мрамора убаюкивало, словно шёпот кормилицы.

Но Ариб не спала.

Певица сидела у распахнутого окна, не отрывая взгляда от свинцовых вод Тигра. На низком столике белел пергамент, покрытый стремительной вязью стихов.

Чернила ещё поблёскивали влагой, точь-в-точь как ярость, кипевшая в груди после ночного кошмара.

Мёртвая птица на шёлковой подушке была не просто угрозой – это был вызов. И вызов требовал сокрушительного ответа.

В дверь гулко постучали. На пороге возникла грузная фигура старшей калфы – нубийки по имени Зейнаб. Лицо женщины, непроницаемое и суровое, напоминало базальтовую маску забытого идола.

– Госпожа, – произнесла гостья, нарочито пренебрегая поклоном.

– Сегодня назначен Большой Маджлис. Обитательницы дворца собираются в Зале Павлина, дабы почтить вниманием принцессу Умм Ису, сестру Халифа. Твоё присутствие необходимо.

– Необходимо? – Ариб изогнула бровь, и в её глазах мелькнула опасная искра.

– Таков незыблемый порядок. Или ты возомнила, что единственная ночь бесед с Повелителем вознесла тебя выше законов Гарема?

– Никак нет, Зейнаб, – Ариб медленно поднялась, расправляя плечи.

– Прекрасно осознаю: та ночь превратила меня в мишень. Я приду. Но не для того, чтобы просить милости.

Девушка распахнула сундук, присланный Ибрагимом. Тонкие, невинно-пастельные шелка, призванные подчеркнуть покорность, полетели на пол.

Выбор пал на платье цвета перезрелого граната – цвета страсти, вызова и пролитой крови.

Чёрная сурьма легла на веки, делая взгляд острым, точно кинжал, выкованный в Дамаске.

«Если ступаешь в клетку к тиграм, не смей ***** овцой. Стань их укротителем», – прозвучал в мыслях голос Марии.

Зал Павлина ослеплял. Стены, выложенные искусной мозаикой из лазурита и бирюзы, сияли под лучами солнца, а полы скрывались под коврами такой густоты, что шаги тонули в них без остатка.

Здесь сосредоточился весь цвет женской половины Багдада: жёны визирей, знатные родственницы Аббасидов, блистательные фаворитки.

Воздух казался вязким от обилия благовоний: густой мускус сражался с жасмином, а роза настойчиво душила терпкую амбру.

Стоило Ариб переступить порог, как гомон голосов оборвался, точно лопнувшая струна лютни. Десятки глаз впились в вошедшую новую фигуру. В этих взорах читалось всё: от брезгливого любопытства до жгучей зависти.

Дочь визиря шла сквозь толпу, держа спину неестественно прямо, чувствуя себя канатоходцем над ямой, полной змей.

В центре, на расшитом золотом возвышении, восседала принцесса Умм Иса. А у её ног, на парчовых валиках, расположилась та, от кого исходило тревожное, хищное сияние.

Это была Шария.

Моложе Ариб, едва достигшая шестнадцатилетия, она обладала дерзкой, почти кричащей красотой.

Огромные глаза, манящие губы и пышные формы едва скрывал шафрановый шёлк.

В руках юная звезда небрежно, словно дорогую игрушку, вертела уд.

Шария была любимицей Гарема, ведь пела она лишь то, что желали слышать праздные дамы – сладкие, пустые песенки, не обременённые смыслом.

Если Ариб была глубоким, порой пугающим омутом, то Шария – звонким, но мелководным ручьём.

Взгляд соперницы скользнул по «гранатовому» платью, а на губах расцвела ядовитая улыбка.

– Глядите, наша «победительница» пожаловала, – звонко, на весь зал, бросила Шария.

– Та самая скучная затворница, что убаюкала Халифа разговорами о пыльных фолиантах. Садись же... где-нибудь с краю. В центре положено быть тем, кто дарит веселье, а не нагоняет тоску.

По залу прокатилась волна смешков. Женщины прятали лица за веерами из павлиньих перьев, смакуя унижение дерзкой новенькой.

Ариб замерла. Промолчать сейчас означало признать поражение.

– Веселить толпу, удел ярмарочных шутов. Низкий, грудной голос Ариб заставил манежных дам притихнуть.

– Услаждать же душу способен лишь мастер. Не знала, что в Зале Павлина ценят дешёвое стекло выше истинных алмазов.

Лицо Шарии исказилось. Девушка вскочила, отшвырнув инструмент.

– Ты смеешь рассуждать о мастерстве, безродная персиянка?! – яростно прошипела она.

– Чьего отца казнили как бродячего пса, а саму тебя выкупили на грязном рынке за горсть меди? Ты лишь пыль, осевшая на сандалиях Халифа!

– Я его память, – отчеканила Ариб. – А память живёт дольше, чем капризная мода. Сыграй, Шария. Покажи, чем ты пленила этих женщин. Или твой талант прячется лишь в жале твоего языка?

Принцесса Умм Иса лениво хлопнула в ладоши, пресекая перепалку.

– Так, всё. Замолчали оба! Пусть рассудят струны. Шария, пой. А ты, новенькая... слушай, как поют истинные соловьи Багдада.

При слове «соловей» Ариб слегка вздрогнула. Торжествующая вспышка в глазах Шарии не оставила сомнений. Загадка ночного гостя была решена.

Шария взяла аккорд. Пальцы летали по грифу с поразительной скоростью, извлекая россыпи искрящихся нот. Это была музыка-фейерверк: шумная, блестящая, но пустая.

Она пела модный мотив о капризной страсти, голос звенел, рассыпаясь мелизмами и вычурными украшениями.

Дамы одобрительно закивали, попадая в такт. Это было понятно. Это развлекало.

Зал взорвался рукоплесканиями. Шария бросила на Ариб взгляд, полный превосходства:

– Твоя очередь, «дочь визиря». Постарайся не усыпить нас своим занудством.

Ариб опустила на ковёр. Она проигнорировала поднесённый слугами золочённый дворцовый уд, знаком велев подать её собственный – старый, потертый, со следами огня на дереве.

Зал замер в недоумении: зачем этой оборванке подобная рухлядь?

Певица закрыла глаза. Никаких сложных переборов. Она ударила по струнам резко, диссонирующим аккордом.

Звук прорезал надутый воздух, словно крик раненого зверя. И в наступившей тишине зазвучала песня, рождённая на рассвете.

«В саду, где розы пьют лишь ложь и хмель, Нашла я птицу с немой пустотой. Гортань её пронзила зависти сталь, точившая нож под полночной звездой...»

Голос Ариб не звенел – он рокотал. Он был густым и тёмным, как вино в чаше перед казнью. Она пела, глядя прямо в расширившиеся зрачки Шарии.

«Ты веришь, певец умирает с последним вздохом? И песню навек заберёт ледяная вода? Но кровь на перьях несчастного крохи – знак твоего неизбежного паденья и стыда!»

Шария смертельно побледнела. Улыбка сползла с её лица, обнажая страх. Она поняла: Ариб знает всё. И, что страшнее, Ариб не боится. Каждая строчка становилась атакой. Мелодия ускорялась, становясь тревожной и яростной.

«Я не соловей, что томится в золотых прутьях, Я – ветер, срывающий двери с петель! Кто смерть рисует на белом лоскуте, тот сам попадёт в свою же метель!»

Последний удар по струнам прозвучал как хлесткий удар бича. В зале воцарилась гробовая тишина. Обитательницы дворца переглядывались, кожей чувствуя: это был не просто мадригал.

Это было объявление войны.

Внезапно из глубины входа раздались медленные, тяжёлые хлопки. Все обернулись. В арке стоял Халиф аль-Мамун. Никто не заметил его появления. Повелитель был бледен, и его гнев явно не предназначался певице.

– Браво, – произнёс он, проходя сквозь расступившуюся толпу. – Я слышал тысячи гимнов любви, но впервые слышу гимн правде.

Мамун подошёл к Ариб и протянул ей руку, помогая подняться с колен.

– Змеи в моём Эдеме стали слишком дерзки, если кусают гостей за моим столом, – голос Халифа, ледяной и пронзительный, заставил многих вжать головы в плечи.

– Кто посмел угрожать ей?

В ответ лишь мёртвое молчание. Шария сжалась, надеясь раствориться в тенях. Халиф удостоил её долгим, изучающим взглядом.

– Твоя музыка громка, Шария, – обронил он. – Но в ней слишком много звона золота и ни капли души.

Затем правитель обернулся к Ариб.

– Этот зал тесен для твоего дара. И воздух здесь... отравлен завистью.

Он снял с пальца тяжёлый перстень с огромным рубином и надел его на палец Ариб. Камень сиял на её тонкой руке, словно застывшая капля крови.

– Отныне ты не принадлежишь к общему Гарему. Дарую тебе Павильон Ветров, стоящий у самой реки. Там никто не посмеет потревожить твой покой. И у тебя будет личная охрана.

Ариб склонилась в поклоне:

– Благодарю, Повелитель. Но моя песня – мой лучший страж.

– И всё же, – Мамун кивнул застывшему в дверях Масруру.

– Великий Палач лично отберёт для тебя верных воинов. Пойдём, Ариб. Мне нужно очистить слух от этого шума.

Они покинули Зал. Халиф и дочь его заклятого врага.

Шария осталась сидеть на полу, стискивая в руках свой драгоценный уд. Лицо её пылало от невыносимого позора. Женщины вокруг уже начали ядовито перешёптываться – толпа, как и предрекала Ариб, признаёт только победителей.

Войдя в новые покои, просторный Павильон Ветров, Ариб впервые за день позволила себе выдохнуть. Здесь было много воздуха, лёгкие просто танцевали в порывах речного бриза. Она подошла к зеркалу. На неё смотрела женщина в гранатовом платье. Сильная. Опасная. Победившая.

Ариб подняла руку с рубином.

– Мой ход сделан, – сказала тихо отражению. – Но партия лишь начинается.

В ту ночь в другом конце дворца Шария в истерике разбила свой золочёный уд о мраморные плиты. А Ариб, сидя у окна над Тигром, писала новую песню. Не о мести. Не о крови.

Она писала о свободе. Ибо теперь она точно знала: даже золотую клетку можно сокрушить, если твои струны поют о правде.

Багдад погружался в сон, но в его сердце уже бился новый ритм – дерзкий, молодой и неукротимый. Ритм Ариб/

Глава 11. Отравленная струна

Три дня в Павильоне Ветров протекли, словно густой, пряный мёд с ложки – медленно, сладко и тягуче. Ариб казалось, что она вернулась не в Багдад, а в забытую сказку, которую в детстве, укрывая её пуховым одеялом, шептала старая няня.

Здесь время замирало. Шёлк простыней, омытый в розовой воде, охлаждал разгорячённую кожу. Неслышные слуги, тени в мягких туфлях, предугадывали желания прежде, чем мысль успевала оформиться в слово. А по вечерам, когда зной спадал и над Тигром поднималась луна, приходил он.

Халиф аль-Мамун. Повелитель правоверных.

В этих стенах он не требовал покорности, не искал в ней рабыню. Он сбрасывал тяжесть Империи у порога, как пыльный плащ, и становился просто мужчиной. Они говорили о звездах, о переводах Аристотеля, о музыке сфер. Или молчали, переплетая пальцы. Казалось, война закончилась не только на улицах истерзанного Багдада, но и в их душах.

Только старая Мария, которую Ариб перевезла к себе, ходила мрачнее грозовой тучи. Гречанка сидела у окна, перебирая костяные чётки, и её сухие губы беззвучно шевелились.

– Мёд слишком сладок, дочка, – проворчала она однажды, глядя, как Ариб примеряет новые серьги, тяжёлые изумрудные капли, дар Халифа.

– Когда всё идёт слишком гладко, возможно, колесница судьбы уже несётся к обрыву.

– Ты просто привыкла к беде, матушка, – рассмеялась Ариб, любуясь своим отражением в серебряном зеркале. Изумруды оттеняли её темные глаза, делая их колдовскими.

– Война окончена. Я любимая фаворитка. Шария унижена и молчит. Что может случиться?

Мария резко щёлкнула костяшкой чётки:

– Гадюка молчит не от смирения. Она молчит перед броском.

На четвёртый день Халиф объявил «Пир Примирения».

Мамун желал показать двору и всему Халифату: гарем – это райский сад, цветник благоухающих роз, а не поле битвы. Он, наивный мечтатель на троне, верил, что музыка способна врачевать раны государства.

– Вы выступите вместе, – сказал он, и в голосе его Ариб впервые за эти дни услышала не нежность любовника, а сталь правителя.

– Дуэтом. Это станет знаком единства. Багдад расколот надвое. Если мои женщины не могут найти мир, как я потребую мира от своих эмиров и визирей?

Вечер Пира выдался удушливым. Даже ветер с великой реки не приносил прохлады, лишь гонял по мраморным полам запахи жасмина и тревоги.

Зал приёмов был полон. Тысяча свечей отражалась в золоте и драгоценных камнях. Визирь в тяжёлых тюрбанах, суровые военачальники, жёны вельмож – все пришли посмотреть на невиданную диковинку: две смертельные соперницы, две легенды Багдада поют в унисон.

Ариб была спокойна. Она знала свою силу, как воин знает свой клинок. Её уд был настроен идеально, голос звучал чисто и глубоко.

Но Шария...

Соперница выглядела пугающе. Она осунулась, её некогда пышные формы истаяли, и роскошный парчовый наряд висел на ней мешком. В глазах, густо подведённых сурьмой, метался лихорадочный блеск загнанного зверька.

Когда они столкнулись в узком коридоре, где пахло пылью и старым бархатом, Шария не стала сыпать проклятиями, как обычно. Её била крупная дрожь.

– Не пей воду, – еле слышно выдохнула она, проходя мимо.

Ариб замерла. Она резко схватила соперницу за тонкое запястье:

– Что?

Шария вздрогнула, словно от удара хлыстом.

– Ничего! – она вырвалась, глядя на Ариб с диким ужасом, смешанным с мольбой.

– Оставь меня! Во имя Аллаха, просто пой!

Кайны вышли к свету. Мамун сидел на троне, сияющий и довольный, словно ребёнок, собравший любимые игрушки. По правую руку от него, на почетном возвышении, восседал Фадл ибн Сахль – великий визирь, человек с глазами змеи и умом шахматиста.

Ариб заметила, как цепкий, почти хищный взгляд визиря скользит по ним, отмечая каждое движение.

Зазвучала музыка. Гулямы ударили в бубны, заплакали флейты-наи.

Это был не просто дуэт – это было сражение двух миров. Голос Ариб поднялся из тишины не звуком, а волной прохлады, будто в душный зал впустили ночной ветер с Тигра. Он был плотным, как финиковый сироп, и при этом звонким, как удар хрустального бокала о мрамор.

В его бархатных низах чувствовалась шероховатость дорогого ковра, а взлетающие к верхам ноты оставляли на коже ощущение лёгкого, щекочущего мороза, будто прикосновение серебряной ложки к горячему горлу. И этот голос окутывал зал, делая воздух прозрачнее и звонче.

А рядом, будто трещина на идеальной вазе, звучал голос Шарии – высокий, ломкий, с примесью горьковатой, как полынь, дрожи. Они пели старинную касыду о весне, но гармонии не рождалось.

Ариб чувствовала: её соперница не фальшивит – она рассыпается, как пересушенная глина. Каждая нота давалась ей через боль, сквозь стук собственных зубов. И это был уже не голос, а предсмертный хрип, затянутый в форму мелодии.

Когда последняя струна уда затихла, повисла тишина. А затем зал взорвался учтивыми, но сдержанными хлопками. Слуги, кланяясь, поднесли певицам золотые кубки с ледяным розовым шербежом – знак высочайшей милости Халифа.

Ариб взяла свой кубок. Серебро приятно холодило ладонь. Стенки запотели, капли с поверхности стекали вниз, как слёзы. Она поднесла напиток к губам, вдыхая аромат лепестков...

«Не пей воду».

Шёпот Шарии прозвучал в голове громче, чем гонги стражи. Ариб замерла. Рука её дрогнула, она не сделала ни глотка.

В этот же миг Шария, желая выслужиться перед Повелителем, продемонстрировать абсолютную, рабскую покорность, залпом осушила свой кубок до дна.

– За твоё здоровье и процветание, о Повелитель! – выкрикнула она с какой-то истеричной, надрывной веселостью.

И вдруг кубок выпал из её пальцев.

Звон серебра о мрамор прозвучал как выстрел в тишине. Шария схватилась за горло обеими руками, словно пытаясь сорвать невидимую удавку.

Её лицо на глазах начало менять цвет – от болезненно-красного к жуткому сине-багровому. Глаза выкатились, изо рта пошла розовая пена.

Она рухнула на драгоценный ковёр, выгибаясь дугой в страшных судорогах.

– Отрав! – взвизгнул кто-то в женской половине зала. – Убийство! Защищайте Халифа!

Зал вскипел. Женщины визжали, мужчины хватались за рукояти мечей, опрокидывая столики с фруктами. Мамун вскочил с трона, лицо его побледнело.

– Лекаря! – рявкнул он, перекрывая шум. – Живо!

Ариб стояла неподвижно, всё ещё сжимая свой нетронутый кубок. Она смотрела на корчащуюся у её ног соперницу, и мысль ударила её с ясностью отточенного клинка:

«Ловушка захлопнулась. Не для Шарии – та была лишь приманкой, окровавленным куском мяса в капкане. Капкан же щёлкнул вокруг её, Ариб, лодыжки».

Ледяная волна прошла от висков к кончикам пальцев. Это была не просто подлость. Это была виртуозная инсценировка, где она, сама того не ведая, сыграла роль убийцы. И режиссёр, чей цепкий взгляд она сейчас почувствовала на себе, аплодировал из тени.

К упавшей, расталкивая стражу, подбежал придворный лекарь – сутулый старик с беглыми глазками. Он склонился над певицей, понюхал пену на её губах, затем, словно коршун, метнулся к Ариб.

– Дайте сюда! – он грубо выхватил кубок из её рук. Понюхал. Лизнул край.

И медленно, театрально поднял глаза на Халифа. В зале воцарилась гробовая тишина.

– В кубке госпожи Шарии был яд пустынного скорпиона, смешанный с чёрным аконитом, – громко, чеканя каждое слово, произнес лекарь.

– Смерть от него мучительна и быстра.

Он сделал паузу, наслаждаясь эффектом.

– Но посмотрите сюда, о правоверные! – Он указал костлявым пальцем на кубок Ариб.

– Этот напиток чист, как слеза младенца. А вот перстень на руке госпожи Ариб...

Он бесцеремонно схватил руку Ариб, подняв её вверх, чтобы все видели. Тот самый перстень с крупным рубином, подарок влюбленного Мамуна.

Лекарь нажал на неприметный, почти невидимый выступ оправы. Камень с легким щелчком отъехал в сторону, открыв крошечный потайной тайник.

Тайник был пуст. Но от него исходил резкий, удушливый запах горького миндаля.

– Она отравила её! – пронзительно закричала старшая жена визиря, указывая на Ариб.

– Она убила соперницу на глазах у Халифа! Ведьма! Дочь мятежника!

Ариб вырвала руку с такой силой, что лекарь пошатнулся.

– Это ложь! – её голос звенел от гнева, перекрывая ропот толпы.

– Я не прикасалась к этому тайнику! Я даже не знала, что он там есть! Клянусь Аллахом!

Она посмотрела на Мамуна. Прямо в глаза. Она ждала, что он рассмеётся. Что он, её шахматный партнёр, её родственная душа, увидит всю нелепость и грубость этого спектакля. Что он крикнет: «Не смей!».

Она ждала защиты. Но Мамун молчал.

В этот миг внутри неё всё резко оборвалось и замерло, словно в самом разгаре песни порвалась струна уда – та самая, главная. На её месте осталась только звенящая, острая пустота, в которой странно отдавался стук собственного сердца. Не гнев, не обида, а полное, почти философское опустошение.

И в этой пустоте проступила холодная, как клинок, истина: его долг оказался крепче их любви. Тогда, и её долг отныне будет крепче любой привязанности. С этого мига всё изменилось.

Он смотрел на неё, и в этом взгляде больше не было любовника. Там был судья. В его глазах исчезло тепло багдадских ночей, там снова был лёд Мерва, холодный расчёт. Политика.

Если он сейчас защитит любовницу, которую обвиняют в убийстве при сотне свидетелей, он покажет слабость. Народ скажет, что Халиф околдован ведьмой-убийцей. Визирь усомнится в его справедливости. А Мамун, чей трон ещё шатался после гражданской войны, не мог позволить себе быть слабым.

Только не сейчас.

– Уведите её, – тихо сказал Халиф. Голос его был мёртвым.

– Мамун! – Ариб сделала шаг к нему, игнорируя направленные на неё копы гулямов. – Ты веришь в это? Ты думаешь, я настолько глупа, чтобы убивать здесь, у всех на виду?!

– Улики говорят громче слов, – ответил он, отводя взгляд в сторону. – Пока не будет доказано обратное, ты обвиняемая. Взять её!

Стражники, те самые, что ещё вчера низко кланялись ей, открывая двери Павильона Ветров, грубо схватили её за плечи. Ариб не сопротивлялась.

Она смотрела только на одного человека. На Фадла ибн Сахля.

Великий визирь стоял в тени трона, сложив руки на груди. На его бесстрастном лице не дрогнул ни один мускул, но в уголках глаз таилась едва заметная улыбка. Улыбка гротесктера, который только что поставил мат в три хода.

Ариб поняла всё. Это не месть Шари. Глупая, несчастная певица – лишь пешка, которую принесли в жертву, чтобы свалить ферзя. Это удар по Халифу. Через неё.

Её потащили к выходу. Проходя мимо умирающей Шари, Ариб вдруг остановилась. Она рванулась из рук стражи с такой яростью, что дюжие воины опешили и разжали пальцы.

– Стойте! – крикнула она. – Если она умрёт, я никогда не смогу доказать свою невиновность!

Она упала на колени рядом с соперницей, прямо в лужу разлитого шербета.

– Что ты делаешь, убийца?! – заверещал лекарь, пытаясь оттолкнуть её.

– То, что должен делать ты, старый шарлатан! – рявкнула Ариб так, что лекарь отшатнулся.

– Аконит останавливает сердце и сковывает дыхание. Ей нужно масло и рвотное, немедленно!

В памяти всплыли жесткие уроки Марии. Гречанка учила не только брать высокие ноты, но и различать травы, противоядия и снадобья, чтобы сберечь драгоценные связи.

Ариб схватила со стола тяжёлый кувшин с оливковым маслом.

– Держите ей голову! – приказала она стражникам. Те замерли в растерянности, глядя на Халифа. Мамун слабо кивнул.

В этой хрупкой девушке, в испачканном сладкой жижей платье, вдруг проявилась такая властность, какой не было у иного эмира. Гвардейцы подчинились.

Ариб силой разжала стиснутые зубы Шари и влила густое масло в рот хрипящей женщине. Затем, не брезгуя, сунула два пальца ей глубоко в глотку.

Шарию вырвало. Тяжёлый запах желчи смешался с ароматом духов.

Ариб не отстранилась. Она, величайшая певица Халифата, сидела на полу в грязи, поддерживая голову своего врага. Она продолжала поить её водой и маслом, снова и снова, пока судороги не стали слабеть, а посиневшее лицо не начало розоветь.

Девушка сделала глубокий, судорожный вздох и открыла мутные глаза. Жива.

– Она будет жить, – сказала Ариб, медленно поднимаясь с колен. Руки её дрожали, платье было безнадежно испорчено, но в этот миг она выглядела величественнее любой принцессы крови.

Она повернулась к Халифу.

– Я спасла ту, кого якобы хотела убить, – произнесла она в полной тишине. – Зачем мне это, если я виновна? Подумай об этом, Повелитель, когда останешься один в своей холодной постели.

Мамун смотрел на неё с болью. В его глазах боролись восхищение женщиной и долг государя. Долг победил.

– В Тёмную Башню её, – приказал он глухо. – До полного выяснения обстоятельств.

Ариб гордо вскинула голову. Золотые серьги с изумрудами качнулись, ловя отблеск свечей.

– Ты можешь запереть меня в башне, Мамун. Но ты только что проиграл партию, – бросила она ему в лицо. – Ты пожертвовал своим ферзём ради чужой пешки.

Она развернулась и пошла под конвоем, не оглядываясь, оставляя за собой шлейф достоинства, который не могли стереть ни клевета, ни стража.

Зал гудел, как растревоженный улей, в который швырнули камень. Шарию, слабую и стонущую, уносили на носилках. Лекарь суетился вокруг, пытаясь сохранить лицо.

А Халиф аль-Мамун остался сидеть на троне, бесконечно одинокий среди этой пёстрой, шумной, лицемерной толпы. Он смотрел на свою правую руку, где ещё вчера лежала тёплая ладонь Ариб. Он знал, что она права. Он предал её.

Но он не знал, что эта душная багдадская ночь стала не концом, а лишь началом. Началом самой опасной игры в их жизни. Игры, где ставкой будет не любовь, а сама Империя.

В сырой темнице Тёмной Башни Ариб опустилась на холодный камень. Здесь пахло плесенью, крысами и безысходностью. Где-то капала вода, отмеряя секунды её новой жизни. Провела рукой по лицу, стирая следы чужой беды и собственной боли. Слез не было.

Она прислонилась спиной к влажной стене, и губы её тронула чужая, забытая улыбка. Улыбка девочки из Мерва, которую учили не только петь. Учили запоминать каждое лицо, каждое слово. Учили терпению, которое крепче любых стен. Учили, что самая сладкая месть – когда твой палач сам, по своей воле, кладёт тебе в руку ключ от всех своих темниц.

– Шахматы закончились, мой Повелитель, – тихо проговорила в капельную тишину. – Началась война.

Она медленно разжала кулак, в котором до боли впились ногти в ладонь, будто проверяя, что всё ещё может чувствовать. Что всё ещё может держать оружие.

– И что за игру без козыря?.. – её шёпот растворился во тьме, оставляя за собой лишь один вопрос и обещание. Её секрет, её спрятанная фигура на доске, оставалась не тронутой. И теперь пришло её время.

Глава 12. Тень на троне

В каменном чреве тюрьмы Матбак время не текло. Оно сочилось.

Кап. Кап. Кап.

Холодная, отдающая тиной вода падала с почерневших сводов, отмеряя секунды вечности. Ариб сидела на охапке гнилой соломы, обхватив колени.

Её белое шёлковое платье, ещё вчера стоившее целое состояние, превратилось в серую тряпку, пропитанную сыростью.

Драгоценные камни на лифе тускло поблескивали, словно глаза мёртвых рыб – здесь, в темноте, роскошь казалась злой насмешкой.

Ариб не плакала. Слезы, удел слабых, а она была дочерью Джафара. Её ум, отточенный сложными партиями в шатрандж и стихотворными дуэлями, сейчас работал холодно и чётко, расчлняя ситуацию, как мясник тушу на Курбан-байрам.

«Шария, всего лишь пешка, глупая и жадная. Мамун, Шах, загнанный в угол. Но кто же двигает чёрные фигуры?»

Ответ был очевиден. Фадл ибн Сахль. Великий визирь. Человек с двумя звёздами на знамёнах и тьмой в сердце.

Тот, кто ненавидел арабов и мечтал возродить пышность персидских царей, превратив Повелителя правоверных в свою безвольную куклу.

Ариб мешала. Она стала не просто усладой для ложа Халифа, а той, чей шёпот перевешивал крики советников и визирей. Поэтому он решил убрать её. Не изгнать, а раздавить.

В коридоре раздались шаги. Тяжёлые, гулкие, от которых, казалось, вздрагивали сами камни.

Заскрипели ржавые петли. В проёме двери возникла гигантская фигура. Свет факела плясал на чернокожем лице, превращая его в маску ифрита (дьявола). Масрур. Главный палач Халифата.

Ариб даже не подняла головы.

– Пришёл забрать мою душу? – тихо спросила она.

– Или принёс шёлковый шнурок как последнюю милость?

Масрур шагнул в темницу, заполнив собой всё пространство. Он воткнул факел в кольцо на стене, и тени метнулись по углам, распугивая крыс.

– Я принёс тебе еду, – его бас рокотал, как камнепад в горах. Он бросил к её ногам грубый узелок.

– Лепёшка, козий сыр и финики. И новости.

– Ешь сам свои новости, палач, – выплюнула Ариб.

Масрур медленно, с неожиданной для его габаритов грацией, опустился на корточки. В его глазах не было привычной ледяной пустоты.

– Ты гордая, – заметил он.

– Это хорошо. Гордость помогает умереть, не уронив чести. Но чтобы выжить, нужен ум. Шария жива.

Ариб вскинула глаза. Сердце пропустило удар.

– Жива?

– Да. Твоё масло и рвотное вытащили эту дуру с того света. Она в лазарете, мечется в бреду и молит Аллаха о прощении. Но правды она не скажет. Она боится того, кто дал ей яд, больше, чем огня Джаханнама.

– Фадл... – имя врага сорвалось с губ, как дурное слово.

Масрур не кивнул, но его веки дрогнули.

– Ты слишком умна для женщины, дочь Джафара. Визирь держит Халифа за горло стальной хваткой. Гвардия верна визирю. Дирхемы в казне в руках визиря. Мамун сейчас не повелитель, а пленник в золотой клетке собственного дворца. Если он оправдает тебя, Фадл поднимет бунт. Объявит, что Халиф лишился рассудка от чар ведьмы.

– И поэтому Мамун бросил меня сюда? В эту яму? Спасать свою шкуру?

– Спасти твою жизнь, глупая! – рыкнул Масрур, и эхо ударило о стены.

– Здесь, в моей башне, ты под моей защитой. А там, в гареме, евнухи визиря уже перерезали бы тебе горло спящей.

Ариб замолчала. Осознание накрыло её тёплой волной. Мамун не предал. Он... спрятал её. Единственным доступным ему способом.

– Что мне делать, Масрур? – голос её дрогнул, впервые выдав страх.

Евнух поднялся, вновь нависая над ней грозной скалой.

– Ждать. И петь.

– Петь? – она горько усмехнулась.

– Здесь? Для крыс и мокриц?

– Петь так, чтобы слышали стены. У стен Багдада есть уши. А у города – память. Народ любит легенды, Ариб. Стань легендой, которую нельзя убить тихо. Пиши стихи. Я передам их в город. Пусть водовозы поют твои песни, пусть их шепчут на базарах. Пусть народ плачет о «невинной голубке в темнице». Когда Багдад полюбит тебя, визирь не посмеет тебя тронуть.

Он повернулся к выходу.

– Масрур! – окликнула она его в спину.

– Почему? Почему ты помогаешь мне? Твой меч обагрён кровью моего отца. Ты должен ненавидеть весь род Бармакидов.

Палач замер в дверях. Пламя факела отразилось в его чёрных глазах.

– Я убил твоего отца по приказу. Я меч, а меч не ведаёт ненависти. Но я не убиваю музыку. Твой голос... он напоминает мне о тех временах, когда у меня ещё была душа.

Дверь с грохотом захлопнулась, оставив её наедине с темнотой и надеждой.

Минул месяц. Ариб сидела в темнице, но её голос, словно вольная птица, гулял по Багдаду. Масрур сдержал слово. Стихи, нацарапанные углём на обрывках ткани, просачивались сквозь толстые стены Матбака. Они превращались в касыды, летели над Тигром, проникали в чайханы и гаремы.

Их напевали лодочники, рассекая мутную воду вёслами. Их шептали женщины, выбирая ткани на базаре. Это были песни не о любви, но о великой несправедливости.

О соловье, которого оклеветали змеи. О том, как тьма пытается поглотить солнце. Имя Ариб стало символом. Её никто не видел, но она была везде.

А во Дворце Вечности сгущались тучи. Халиф Мамун стал тенью самого себя. Под глазами залегли чёрные круги бессонницы.

Он часами сидел над доской для шатранджа, передвигая фигуры дрожащими пальцами. На доске его Ферзь был заперт, окружён вражескими конями.

Фадл ибн Сахль торжествовал. Он расхаживал по коридорам дворца, шурша тяжёлыми шелками, и слуги склонялись перед ним ниже, чем перед Халифом.

Великий визирь устранил соперницу, контролировал каждое дыхание Мамуна.

Оставался последний шаг – перенос столицы в Мерв, в сердце Персии, подальше от мятежного арабского Багдада. Это был бы конец Аббасидов и начало новой династии. Династии Сахля.

Но визирь, считавший себя мастером интриг, не учёл одного игрока. Фигуру, которая всё это время стояла в тени, за краем доски.

Того самого человека, который много лет назад купил маленькую девочку на невольничьем рынке за пятьдесят динаров. Аль-Амин ибн Мухаммад.

Для двора он был лишь скромным управляющим, чьё имя давно стёрлось из летописей. Но в тайном мире он был главой «Барида» – службы почты и шпионажа. Человеком-тенью.

Он знал, о чём шепчутся евнухи в дальних покоях и о чём молчат эмиры на советах.

Аль-Амин никогда не забывал Ариб. Он следил за её взлётом, гордясь, как садовник гордится редким цветком. И теперь он решил: пора.

Одной душной ночью, когда даже стража клевала носом, дверь темницы Ариб снова отворилась. Но на этот раз вошёл не Масрур. Вошёл человек в шерстяном плаще дервиша. Лицо его скрывал глубокий капюшон.

– Мир тебе, Ариб, – произнёс знакомый голос. Спокойный, тихий, но в нём звенела скрытая сталь.

Ариб вздрогнула, прижимая к груди колени. Она знала этот тембр. Голос человека, который дал ей новое имя.

– Господин? – еле слышно сказала она, не веря ушам.

– Аль-Амин?

Он скинул капюшон. Годы посеребрили его виски, морщины прорезали лоб, но глаза остались прежними – внимательными, проницательными и бесконечно грустными.

– Ты выросла, – сказал он, обводя взглядом её убогое жилище.

– И ты стала опасной. Я горжусь своей покупкой.

– Вы пришли выкупить меня снова? – горькая усмешка исказила её губы.

– Боюсь, цена теперь выше. Пятьюдесятью динарами не обойтись.

– Цена трон Халифата. Серьёзно ответил он, присаживаясь рядом, не брезгуя грязным полом.

– Слушай меня внимательно, девочка. Времени мало. Завтра Фадл потребует твоей казни. Он приведёт лжесвидетелей, которые поклянутся, что видели, как ты ворожила на крови и волосах Халифа. Суд будет скорым.

Ариб похолодела. Липкий страх пополз по спине.

– Но у меня есть кое-что для тебя. Он достал из складок плаща маленький, перевязанный тесьмой свиток.

– Это переписка Фадла с мятежными эмирами Хорасана. Доказательство его измены. Он не просто хочет власти, этот лицемер планирует убить Мамуна во время охоты через три дня. Несчастный случай. Упал с коня.

Ариб схватила свиток, её пальцы дрожали.

– Почему вы отдаёте это мне?! Отнесите Халифу! Вы же глава Бариды!

– Халиф не поверит мне, – тихо ответил старик.

– Для него я, тень прошлого, старый слуга. Фадл слишком долго капал яд ему в уши. Но он поверит тебе. Потому что он любит тебя. Любовь открывает глаза там, где разум слеп.

– Как я передам это ему? Я в кандалах!

– Завтра тебя поведут в Зал Павлина. Тебе позволят последнее слово. Ты будешь петь свою последнюю песню, Ариб. Сделай так, чтобы в этой песне была правда, острая, как кинжал. И отдай свиток ему в руки. При всех.

Он поднялся, поправил одежду.

– Это твой гамбит, Ариб. Либо ты выиграешь и станешь королевой, либо мы все умрём ещё до заката.

– Кто вы? – спросила она напоследок, сжимая свиток так, что побелели костяшки. – Почему вы рискуете головой ради меня?

Аль-Амин улыбнулся той самой, почти забытой улыбкой из детства.

– Я тот, кто верит, что искру нужно беречь от ветра, пока она не станет пламенем. Ты стала пожаром, Ариб. Сожги их всех.

Наступило утро суда. Зал Павлина слепил золотом и лазурью, но сегодня здесь не пахло благовониями. Здесь пахло липким, животным страхом.

Мамун сидел на троне, бледный, осунувшийся, словно старик. Рядом, по правую руку, возвышался Фадл ибн Сахль в чёрных одеждах верховного судьи. Он сиял мрачным торжеством, глядя на собравшихся свысока.

Двери распахнулись. Стража ввела Ариб. Она была всё в том же грязном, изодранном платье. Её волосы были распущены, ноги босы.

Но она шла по драгоценным коврам так, словно ступала по лепесткам роз в райском саду. Голова поднята, взгляд прямой. В руках она сжимала уд. Масрур разрешил.

– Ариб аль-Мамунийя! – провозгласил глашатай, ударяя посохом.

– Ты обвиняешься в колдовстве, отравлении и измене. Что ты скажешь в своё оправдание перед лицом Аллаха и Повелителя правоверных?

Ариб вышла на середину зала. Она чувствовала на себе сотни взглядов – жадных, сочувствующих, злорадных. Но она смотрела только на одного человека. На Мамуна.

– У меня нет слов, о судьи, – произнесла она. Голос её был тих, но в гробовой тишине зала он прозвучал как удар гонга.

– Слова могут лгать. У меня есть только песня. Позвольте мне спеть в последний раз. А потом... делайте со мной, что хотите.

Фадл открыл рот, чтобы возразить, приказать заткнуть ей рот кляпом, но Мамун вдруг поднял руку.

– Пой, – хрипло бросил Халиф.

И она ударила по струнам. Звук уда взлетел под своды, резкий, тревожный, как крик ястреба. Ариб запела.

Это была не жалобная мольба о пощаде. Это был макам гнева и истины. Её голос, глубокий и чувственный, обволакивал каждого, проникал под кожу.

Она пела о прекрасном саде, где под корнями дерева власти свила гнездо ядовитая змея. О том, как яд капает не в кубки с вином, а в доверчивые уши правителя. О предательстве, которое надевает маску самой преданной дружбы.

«Тот, кто стоит у твоего плеча, держит кинжал, а не перо. Тень его длиннее меча, а сердце чернее, чем воронье крыло...»

С каждым куплетом лицо Фадла становилось всё бледнее, превращаясь из торжествующего в маску ужаса. Он понимал: она знает.

Ариб, продолжая играть, медленно приближалась к трону. Стражники напряглись, положив руки на эфесы мечей, но Мамун жестом остановил их. Он подался вперёд, ловя каждый звук.

Ариб подошла к самим ступеням трона. Пальцы в последний раз пробежались по струнам, взяв высокую, пронзительную ноту, от которой, казалось, задрожало пламя свечей в канделябрах. Музыка оборвалась.

Она упала на колени, склонив голову, и протянула Халифу свиток, который прятала в широком рукаве.

– Вот моя песня, Повелитель. Прочитай её. И узнай, кто на самом деле подливает яд в твою чашу.

Мамун медленно протянул руку. Взял свиток. Развернул. Тишина в зале стала такой плотной, что было слышно, как бьётся сердце империи. Халиф читал. Его глаза расширились.

Лицо наливалось тёмной кровью гнева. Он узнал почерк. Узнал личные печати визиря. Узнал имена заговорщиков.

Он медленно, очень медленно поднял голову и посмотрел на своего визиря. В этом взгляде была смерть.

– Фадл? – тихо спросил он.

Визирь попятился, споткнувшись о край ковра.

– Это ложь! Повелитель, это клевета! Эта ведьма околдовала вас...

– Взять его! Крик Мамуна разорвал тишину, как удар молнии. Он вскочил с трона, отшвырнув свиток.

– Взять изменника!

Зал взорвался хаосом. Гулямы Масрура, которые только этого и ждали, чёрными коршунами бросились на визиря, сбивая с ног его свиту. Зазвенела сталь, раздались крики.

Ариб так и осталась стоять на коленях посреди бури, не отрывая взгляда от Мамуна. Тот сбежал по ступеням. Не говоря ни слова рывком поднял её, прижал к своей груди так сильно, что остановилось дыхание, и зарылся лицом в спутанные волосы, вдыхая запах зиндана, сырости и... свободы..

Она победила. Чёрная королева на шахматной доске поставила мат королю противника.

Багдад ликовал, ещё не зная причины, просто чувствуя перемену ветра.

Ариб, прижимаясь к груди Халифа, знала: это только начало. Враг повержен, но его тень ещё долго будет висеть над троном.

Теперь Ариб не просто певица, улаждающая слух. Отныне она хранительница Халифа.

Глава 13. Идеальная жена

Багдад, ещё вчера содрогавшийся от лязга оружия, теперь утопал в аромате шафрана и розовой воды. Тигр лениво катил свои тяжелые волны, смывая память о смуте, но город помнил всё.

Казнь визирия Фадла ибн Сахля свершилась на рассвете – тихо, быстро, без лишнего драматизма. Так исчезают тени, когда солнце достигает зенита. Но политика – ненасытное чудовище, не терпящее пустоты.

Там, где вчера оборвалась жизнь, сегодня должен был зазвенеть свадебный бубен. Халифат жаждал праздника, словно иссушенная земля – дождя.

Повелителю правоверных требовался новый союз. Государственная надобность – жестокий скульптор: она отсекает всё лишнее, не спрашивая желания глины.

Чтобы унять гнев влиятельного персидского клана, оскорбленного устранением Фадла, аль-Мамун должен был ввести в свой дом дочь другого великого вельможи Хасана ибн Сахля.

Её звали Хадиджа. Но история, перемалывающая судьбы в золотую пыль, запомнит её под именем Буран.

В северном крыле дворца, в покоях, где ковры были белее первого снега на вершинах гор, восемнадцатилетняя Буран готовилась принять свою судьбу. Воздух здесь был густым, напоенным благовониями настолько, что становилось трудно дышать.

Невеста была красива той правильной, безупречной красотой, что не вызывает бури в крови, но обещает тихую гавань уставшему путнику.

Кожа цвета парного молока, огромные, по-детски испуганные глаза лани и руки, мягкие, словно лепестки лотоса, не знавшие иной тяжести, кроме золотых браслетов.

Она была идеальной. Воспитанная для высокого ложа, обученная молчать, когда говорят мужчины, и опускать ресницы, когда хочется кричать.

Старая няня, чьи пальцы походили на узловатые корни оливы, втирала в густые каштановые волосы госпожи масло с терпким ароматом жасмина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.